

Я свѣтъ узрѣлъ подѣ Бескидомъ,
Первый воздухъ русскій есалъ,
Я кормился русскими хлѣбомъ,
Русинъ мнѣ колесалъ.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ

РУСИНОВЪ

НА ГОДЪ

1 8 5 1

О Т Ъ

ЛИТЕРАТУРНАГО ЗАВЕДЕНІЯ

ПРЯШОВСКАГО

ВЪ ВѢДНИ

ТИПОМЪ ОО. МЕХИТАРИСТОВЪ.

**Стихи слагать не такъ легко
Какъ многимъ внится.**

Сумароковъ Еп. 2.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ.

**Съ нову поздравляю васъ
Новымъ годомъ въ добрый часъ,
Молясь о щастливыхъ дней
Для васъ любезныхъ дѣтей
Вседержителю Богу!**

**Съ нову минулъ одинъ рокъ,
Претекъ якъ быстрый потокъ,
Якъ въ морску глубину валъ
Изчезъ, якъ блескъ такъ пропалъ,
Не вернется никогда.**

**Погасъ якъ громовый свѣтъ,
Якъ тѣнь, якъ румяный цвѣтъ
Избылъ въ безконечности,
И въ глубокой вѣчности
Ненавратно затонулъ. —**

И мы живемъ! — переходъ
Начинаемъ въ новый годъ,
Въ славѣ предводителя,
Силна Вседержителя,
Въ чувствахъ лестной надежды.

Снуемъ страшный разговоръ
О минувшихъ; — сладкій взоръ
Вперавше на судьбину
Будущности; — глубину
Надежды внимающе.

Въ надеждѣ, якъ сладкомъ снѣ
Несемся по воздухѣ,
Надъ сивыми скалами,
Съ летящими орлами
Сладку жизнь разливаемъ;

Въ надеждѣ по всѣхъ лугахъ
Бродимъ, по пестрыхъ цвѣтахъ,
Якъ сладкій джаворонокъ,
Якъ свѣтлячій мотылекъ
Весело лѣтающе.

Въ надеждѣ безъ всѣхъ подпоръ
Идемъ въ середину горъ,
Идемъ во чрево скалы,
Где богаты опалы
Избытно собираемъ.

Въ надеждѣ мы часами,
Самыми небесами
Довольно управляемъ,
И богато собираемъ
Незмѣрны сокровища.

Въ надеждѣ поставаемъ
Отъ сна, и вырастаемъ
Въ толпы, — престолъ утвердимъ,
Силу вражу истребимъ,
Защитимъ Царя млада.

Въ сладкой надеждѣ весь вѣкъ
Провождаетъ человекъ,
Должайшіи времена
Суть надежды бремена;
Время супругъ надежды:

Время течетъ якъ вода,
 Не вернется никогда,
 Едно минетъ, и сей часъ
 Станетъ другое доразъ,
 Непрерывно мѣняется;

И мы съ времени идемъ,
 Тутъ ставаемъ, тутъ падемъ,
 Стоящи подкрѣпимся,
 Падшии подвигнемся,
 Чтобъ съ нову ся не поткнуть.

Время и надежда врачъ,
 Утоляетъ тужбу, плачь;
 Часъ съ надеждой поможетъ,
 Где посредно не можетъ
 Разумъ и опытъ лѣчить.

Якъ сивыми скалами
 Соколь легко крылами
 По подъ небеса летить,
 А надежда му сидитъ
 Неопасно на крылахъ;

Якъ богатъ товарамн
Корабль плавлетъ морями,
Драгоцѣнности несетъ,
Слѣпу надежду везетъ
Скупостію одѣту: —

Такъ смертный несносными
Везенъ желаніями
Паритъ, бѣжитъ, плаваетъ,
И сильно ся сражаетъ
Съ пустою надеждою;

Съ надеждою ся родить,
Съ надеждою проводить
Скучную жизнь человѣкъ,
Въ надеждѣ весь краткій вѣкъ
Совершаетъ уныло.

Такъ самая надежда
Есть време́не сего мзда,
А время во вѣчности
Бездной безконечности
Пропадаетъ яко тѣнь.

Но однакожь хоть она
 Часто будетъ лукава,
 Ю держи, ю все внимай,
 Нею духъ твой занимай,
 Страсти сердца ей вручи;

Хотяй тяжесть, люта скорбь
 Приведеть тя ажъ во гробъ,
 Отчаянія презри,
 Лишь на небеса позри,
 Тамъ помощь отъ надежды!

А. Д.

О Р Е Л Ъ.

Летитъ Орель быстро
 По воздушномъ поли,
 Рывгннлетъ воздухъ
 Крылами по воли;
 Путь ему широкій
 По подъ всѣ небеса,
 Ему отступляютъ
 Подхмарны чудеса;
 Его солнце прійметъ,
 Его заря злата,
 Все сивое небо
 Есть его полата;
 На крыла опертый
 Воздухъ пробиваетъ,
 По лазурныхъ волнахъ
 Весело гуляетъ.
 Где 'го крыла несутъ,
 Онъ по всюду воленъ,
 Все ему пріемно,

Онъ собой доволенъ ;
 Выше облакъ возникъ ,
 Съ вѣтромъ ся сражае ,
 На страшный блескъ , на громъ
 Ничь не уважае :
 Бо мѣдяны крыла ,
 И желѣзны груди
 Грозовымъ ударамъ
 Суть даремны труды ;
 Гнусило глумляся ,
 Всадится по малу
 На высокій Карпатъ ,
 На ужасну скалу ;
 Подсмотривъ горами ,
 И полемъ опасно ,
 Чтобъ дати бѣдному
 Помощи напрасно ;
 Очами на западъ
 Внутренними сидитъ ;
 На сѣверъ , и востокъ ,
 И полудне видитъ .
 Съ высоты , якъ славна
 Престола царскаго
 На глубину смотреть ,
 На тужбу бѣднаго ;

Не есть утаенна
 Предъ нимъ безчестъ, злоба;
 Его умягчаетъ
 Невинныхъ жалоба;
 Бо самъ посѣщаетъ
 Горы, и долины.
 Онъ прійде на поля,
 Потоки, ровнины,
 Ему снары въ скалахъ,
 Озера, и рѣки
 Обитателемъ
 Вывають по вѣки;
 И на всикомъ мѣстѣ
 Есть его держава;
 Онъ пернатыхъ Отецъ,
 Царь, сила, и слава;
 Царство му пространно
 По горахъ, долинахъ,
 По зеленыхъ лугахъ,
 И по развалинахъ;
 Престолъ его твердый
 Осѣняетъ хвала,
 Бо 'го подкрѣпляетъ
 Карпатская скала; —
 Карпатскіи скалы,

Бескидовы горы
 Суть его подпоры,
 И царскіи дворы;
 На вершинѣ оныхъ
 Спочинетъ високо,
 Жолто-чорны крыла
 Распростретъ широко,
 По надъ темный сѣверъ,
 По надъ всѣ дубравы,
 Где его витають
 Честны дѣти Славы; —
 Одно крыло Дунай,
 Молдава, Морава,
 Чистою водою
 Омываетъ Сава;
 Другое чрезъ Днѣстеръ
 Востокъ занимае,
 На Тисиныхъ жерлахъ
 Ся докончивае;
 Владѣнія его
 Окрутна ширина,
 Безмѣрна глубокость,
 Долга величина.
 Пера его тверды,
 Могущіи спасти

Бѣднаго отъ жара,
 Отъ лютой напасти;
 Подъ крылами его
 Тишина ся снуетъ,
 Везопасный покой
 Весело празднуетъ;
 Тамъ зима не встигне,
 Ни жаркіи лучи,
 Подъ той сѣнь не всунуть:
 Громъ, буря, и тучи.
 Присутствіемъ его
 Мятежь отдалится,
 Отдохнетъ невинность,
 Бунтъ упокоится.
 Такъ Карпатъ съ Бескидомъ
 Будетъ развивати,
 Задушенны цвѣты
 Назадъ отдавати.
 Подъ защищеніемъ
 Орла двоглавнаго
 Достигнетъ довольно
 До плода славнаго;
 Возрастетъ силами,
 Жаркимъ духомъ, — нѣжнымъ
 Чувствомъ распалится,

Народу прилѣжнымъ,
 И не усташится
 Иноплеменника,
 Лестнаго власности
 Своей заемника.
 Уже занѣмѣтъ
 Бунтъ, засмѣется страхъ,
 Мечи затупленны
 Покоятся въ ножнахъ:
 Бо всеславный Орелъ
 Сугубы главамъ
 Защититъ весь Бескидъ
 Крѣпкими силами.

А. Д.

МЫСЛЬ О БОЗѢ.

Воспой хвалу всевышнему
 Душею , сердцемъ , умомъ ;
 Бѣдный смертный воспой Ему
 Нѣжнымъ внутреннимъ чувствомъ ,
 Воспой гласомъ умиленнымъ ,
 Распалися , славу дай ,
 И духомъ , сердцемъ смиреннымъ
 Силу Его повѣдай !
 Познай силу всевышняго ,
 Узнай твою нищету ,
 Помни злость , слабость земнаго ,
 И виждь Божу доброту ;
 На небеса воскрыляйся ,
 И съ трепетомъ тамъ пари ,
 Славѣ Божой удивляйся ,
 Твое ничтожество зри ; —
 Помни Бога , Высочество ,
 Съ собою самъ ся стяжи ,

Узнай твое смиреніе ,
И покорно такъ скажи :

Богъ пресвятой , а я грѣшный ;
Ему заря , блескъ , свѣтлость
Подобаетъ , но я мрачный ,
Моя участь есть бѣдность ;
Богъ самъ въ себѣ безконечный ,
Я родился , и умру ;
Онъ самъ безъ порока , вѣчный ,
Я причастенъ всему злу ;
Богъ неба , земли создатель ,
Я створѣня бѣдное ,
Онъ есть всего добра датель ,
Я не маю что свое ; —
Бо душа , и тѣло мое
Есть мнѣ заимоданно ,
Все состояніе мое
Его власти поддано ;
Богу вся повинуются ,
Небо , цѣла природа ;
А мнѣ что ино явится ?
Якъ жаль , болѣзнь , и тужба ;
Богъ владѣетъ облаками ,

Я блеска устрашуся,
 Богъ шлетъ тучу, вѣтръ съ дождями,
 А я бѣдно нищуся;
 Я слабый червь, ты всесиленъ,
 Я пепель, глина и прахъ,
 Ты Боже самъ всемъ обиленъ,
 Мнѣ позрѣти на тя страхъ;
 Ты духъ духовъ, и Богъ боговъ,
 А я ничь предъ тобою,
 Ты живой во вѣки вѣковъ,
 Ты владѣешь всѣмъ мною; —
 Якъ горкій дымъ по воздухѣхъ
 Уничтоженъ бываетъ,
 Якъ громный огнь на облацѣхъ
 Окозрѣнно счезаетъ;
 Такъ мой животъ мимоидетъ,
 Днесъ веселый, завтра мертвъ,
 Вижу, ежедневно падетъ
 Колько живыхъ, только жертвъ.
 Знаю ли я бѣдный, грѣшный,
 Котрый ми послѣдній часъ,
 Знаю ли когда мя вышній
 Покличетъ господень гласъ?
 О еще днесъ торжественно
 Веселюся здравъ и милъ,

Завтра можно безчувственно
 Изтлѣваю уже гниль! —
 Еще рано процвѣтаю
 Якъ косиця въ долинахъ,
 А вечеромъ иссыхаю,
 Что остану? тлѣнь и прахъ.
 Но ты безъ начала вѣчный
 Былъ еси, и все будешь,
 Ты не рождень, безконечный
 Во вѣки не избудешь; —
 Чтоже я бѣдный, и страстенъ
 Предъ тобою? — нищъ, убогъ,
 Я и самъ собой не властенъ,
 Ты мнѣ сила, Ты мнѣ Богъ!
 О Боже мой Створителю,
 Ты одинъ владѣй мною,
 Помилуй мя Владѣтелю,
 Бо я ничъ предъ Тобою!

А. Д.

СИРОТА ВЪ ЗАТОЧЕНИИ.

Солнце уже за горою
 Зайшло, погасъ дневный свѣтъ,
 Я въ глубокой мысли внурень
 Помню моихъ прежнихъ лѣтъ!
 Вспоминая дѣтство мое,
 Пришолъ въ память древній часъ,
 Сладки игры, и забавки,
 Звенить въ ухахъ мамчинъ гласъ;
 Мамчинъ гласъ! о страстная мысль,
 Сладкое слово: мати!
 Проицаетъ внутренну жизнь
 Мысль полна благодати; —
 Мати! любви сильная страсть, —
 Сію природа даетъ,
 Бо тымъ гласомъ бѣдный смертный
 Первую жизнь витаетъ;
 Сей первый и жалостный гласъ
 Съ плачемъ былъ и мнѣ: мама!
 Она лишь одна мнѣ была
 Любовью почитана;
 Сладка сосця мнѣ жизнь дала,

Сытнымъ млеко́мъ кормила,
 Чувство́ любви возбуждающе́
 И добрый́ духъ крѣпила; —
 Такъ я пита́нъ, бо колыбель
 Была ей́ мягко́ лоно́,
 О́ якъ пріятнымъ́ отдыхо́мъ
 Всегда́ зда́лося оно́.
 Въ томъ я́ успоко́евался́ весь,
 Возраста́лъ и́ духъ́ горяще́,
 Ей́ приту́лъ во́ объятіяхъ
 Утоли́лъ дѣ́тинскій́ плачь.
 Слово́мъ: доро́га мату́шка
 Была́ мнѣ́ лѣ́чнымъ́ цвѣ́томъ,
 Ей́ жарко́е лобза́ніе
 Владѣ́ло моимъ́ свѣ́томъ. —
 Но́ горе! о́ неудобна́
 Уча́сть такъ́ ми́ судила́,
 Завистна́ судьба́ отъ́ сладко́й
 Ма́мки ми́ отлучи́ла;
 Случа́й ужасны́й исхити́лъ,
 Вырва́лъ отъ́ персі́й вѣ́рныхъ,
 Неми́лосердно́ исклю́чилъ
 Отъ́ объ́тій ма́тернихъ; —
 Отключи́лъ, и́ отграници́лъ,
 Чтобъ́ ся́ съ́ нею́ не́ знати́,

Чтобъ ей прелюбезный образъ
 Никогда не видати;
 Отлучилъ, и во чужину
 Въ заточеніе отвлекъ,
 Чуждымъ духомъ и образомъ,
 И страннымъ платьемъ облекъ!
 Теперь мы ужь отдалены,
 Я мамку, она мене
 Не познаетъ; и се дѣло
 Должайшаго времени;
 О мы природной радости
 Взаимно не чувствуемъ,
 Пріятныхъ взоровъ лишены
 Общу любовь не чуемъ; —
 Насъ пространство отдѣляетъ,
 Береги несровнимы,
 Насъ глубоки рѣки, бездны,
 Моря непроходимы;
 Мы не слышимъ взаимный плачь,
 Тяжкій вздохъ, и трудный жаль,
 Еднострастна наша тужба,
 Но безсогласна печаль!
 Я чувствую болѣзнь твою,
 Знаю что тяжкій жаль твой,
 Непокрыты твои слезы

Двигнуть и мой непокой ;
 Хотяй бо ты въ свойственности
 Довольно пребываешь ,
 Однакожь родное дѣтя
 Со всѣмъ не забываешь ;
 Хоть тебе увеселяютъ
 Славнородны дружины ,
 Но со всѣмъ тѣмъ оскорбляютъ
 Горестъ , и плачь дѣтины ; —
 Горестъ то есть несносима
 Исключеніе оно ,
 О не можно миѣ забыть
 Сладко Мамушки лоно !
 Бо хоть куда повернуся ,
 Немедленно , и тотъ часъ
 Восторженъ аки въ сладкомъ снѣ
 Вижу только твой образъ ;
 Одну тебе весь желаю ,
 Тебе въ мысли и душѣ ,
 Тебе въ зеркалѣ чистыхъ водъ
 Вижу , и на воздухѣ .
 Въ благомъ дождѣ ображаю
 Источники твоихъ слезъ ,
 Въ сильныхъ вѣтрѣхъ понимаю
 Дыханіе твоихъ персъ ;

Въ сей часъ восторгъ густу печаль
 Слезы въ мигъ разливаю,
 Сердца язву болестный вредъ
 Разжегъ, смерти желаю.
 Часто въ шутномъ безуміи
 Себе не зная бѣжу
 Безъ цѣли, возмущенъ часто
 Якъ бездушный трупъ сижу,
 И стена жалобнымъ гласомъ
 Въ тужбѣ тщетно странствую,
 Но и въ самой той жалобѣ
 Бѣдну радость чувствую;
 Бо въ смятеніе приведенъ
 Съ тобой разговоръ сную,
 Тебе крѣпко обнимающъ,
 Душей ти присутствую,
 И слезы страсти точатся
 Въ мигъ якъ тучи наемны;
 Но вся страсть есть неполезна,
 Мои труды даремны;
 Бо, о горе! между нами
 Есть велика широта,
 И хотяй мамушку маю,
 Однакожь я сирота!

А. Д.

ВОСПОМИНОВАНИЕ.

Тысящъ годовъ: якъ ся стала
Для Русиновъ ночь окрутна,
Легла мати и не встала,
Мертвожива лежить смутна:
Странній народъ напалъ на насъ,
И заточилъ нашу Маму,
Не внимающъ на страстный гласъ,
Бросилъ насъ во темну яму;—
Благородны дѣти Славы
Избилъ, изгналъ въ темны горы,
Изъ луговъ въ пусты дубравы,
И оставилъ безъ опоры.
Такъ племеникъ чужеселцемъ
Отступилъ свой прекрасный край,
Давъ поношенье пришелцемъ,
На Бескидѣ устроилъ рай!
Въ горахъ, скалахъ храмъ будоваль,
Славяй промыслъ Створителя,

Долгимъ временемъ бѣдовалъ
 Чающе Избавителя;
 И се Господь далъ му духа,
 Слетѣлъ ему Ангелъ зъ неба,
 И Влада не была глуха,
 Дала что му было треба;
 Царь Францъ му той вредъ загонлъ,
 Избавилъ отъ ига сего,
 Оскорбленный той родъ спонлъ,
 Чтобы онъ былъ народъ Его.
 Ужь слава Богу свѣтаетъ,
 Солнце и намъ загрѣваетъ,
 И Бескидъ жизнь осѣняетъ,
 Радостнымъ гласомъ спѣваетъ;
 Братя себе познаваютьъ,
 Что до теперъ ся не знали,
 Руки собѣ подаваютьъ,
 До родины ся признали.
 Теперъ хотъ ненавистъ грозить,
 Она ужъ насъ не устрашитъ,
 Бо сильный духъ не угрозить
 Никто, и не переважить.

Алекс. Павловичъ.

ПѢСНЬ РУССКО-НАРОДНА.

Такъ намъ Боже, якъ жизнь наша

Есть намъ Царь!

Ему русинъ сердце, и вся

Дастъ на даръ:

Про ньго жити, про ньго мерти

Мы знаемъ,

Бо лучшаго Отца якъ онъ

Не маемъ.

Престолъ Царскій не разъ ужь ся

Колыбалъ,

Но русинъ все кровь про него

Проливалъ;

И лить буде, зброемъ хранить

На вѣки,

Пока русинъ жити буде

Въ Бескидѣ.

Споимъ руки, стиснимъ плеча

Я и ты,

Станемъ крѣпко при еднотѣ

Австріи;

Свѣтъ да видить, что въ коронѣ
 Австрійской
 Свѣтитъ бѣсеръ и вѣрности
 Русинской.

Но вже Братя Галичане
 Любмесе,
 Одинъ нашъ Царь, одинъ законъ,
 Споймесе;
 Мы всѣ Царя, а онъ же насъ
 Да хранить,
 Такъ постонтъ Престолъ Его
 Якъ гранить.

Але Братя, припійме си
 За Царя,
 Смѣло; течеть слава нашої
 Ужъ заря;
 Врагъ нашъ достъ пилъ за мятежу,
 Да згинеть;
 Русинъ піеть лишъ за Царя,
 Да живеть!

Георгій Шолшисъ.

С В О Б О Д А.

Витай миленька свободо,
 Ты жизнь дающа ягодо,
 Въ твоей преблагой уроды
 Удѣль про русски народы.
 Что еси? — Кто ся свѣдуетъ,
 Вѣторъ дать отвѣтъ, коль дуетъ,
 И нѣма рыбка во водѣ,
 Плавающа по свободѣ. —
 Что значить жити въ свободѣ,
 Тамъ на голузцѣ при водѣ
 Птичка весела спѣваетъ; —
 Бо о неволѣ не знаетъ.
 Птиченьки поютъ лишь въ лѣтки;
 Замолчатъ, якъ ихъ до клѣтки
 Посадятъ хлопцы сваволны, —
 Смутятся, бо суть неволны.
 Парка голубковъ на стрѣсѣ,
 А дивихъ тажъ пара въ лѣсѣ

Дзѣбокѣ до дзѣбка подають,
Вольности опытѣ намѣ дають;
И той вольности уроды
Досягли русски народы,
Радостно руки си дадутѣ,
Ужѣ до неволѣ не впадутѣ.

Алекс. Павловичъ.

РАДОСТЬ О СВОБОДѢ.

Якъ летить пчелка,
Коль солнце свѣтаетъ,
Сладость по лукахъ
И лѣсахъ зберати,
Летяще цвѣтки,
Пахнячки витаетъ,
Которы дала
Ей природа мати:

Такъ я въ Бескидѣ
Якъ въ улію сидѣлъ,
Въ ночной темнотѣ
Ничего не видѣлъ;
Ажъ теперь наразъ
Прерадостна заря
Въ лицѣ младаго
Свѣтаетъ ми Царя.

Я въ блесной зарѣ
Лечу на долины,
Где пребываютъ
Русиновъ родины;
Бо ужь ихъ враги
И злобы не смутятъ,
Радость спѣвають,
Жалостно не нутятъ.

Ой повеселься
Свободный Русине,
Ужь твоихъ враговъ
Злобна сила гине:
Францъ Іосифъ даетъ
Каждому народу,
Ставай и витай
Святую Свободу!

Якъ равноправность
Народамъ свѣтаетъ,
Ужь доразъ Бескидъ
Европа познаетъ;
Бо дѣтемъ его
Отверяется рай,
Ставай Русине,
Плесай, спѣвай, играй!

Споеннымъ сердцемъ
Едногласно нынѣ
Всѣ до народной
Спѣшайме святынѣ,
Изъ сердецъ цвѣтовъ
Уплетемъ вѣночки
Народной Мамѣ
Блаженны дѣточки.

Алекс. Павловичъ.

УБѢГША СВОБОДА.

Безъ друга и безъ милой
 Самъ брожу по лугахъ,
 Сердцемъ, душой унылой
 Одинъ по берегахъ;
 Вперъ очи на поточки,
 Слезми ся смачаю,
 Но сердечныи точки
 Тѣмъ не облегчаю.

Зрываю хоть цвѣточекъ,
 Но въ мысли говорю,
 Кому сплету вѣночекъ,
 Кого нимъ подарю?
 И тогда въ мигъ познаю,
 Что всегда жалѣю,
 Что самотный воздыхаю,
 Друга не имѣю.

О ужь я теперь вижу,
 Что безъ милой утѣхъ,
И покой не нахожу,
 Все ми мерзость, все грѣхъ,
Горко стена рыдаю;
 Скорблю на самотность,
И сей часъ проклинаю
 Убѣгшу свободу.

А. Д.

С В О Б О Д А.

Любо граеть, быстро терчить
Птичка въ румной зорицѣ,
Изъ вѣтки на вѣтку летить
По зеленой дебрицѣ;
Рябы луги
И береги
Ей служатъ, ю веселятъ.

Но несчастна, непозорна
Коль другочка глядаеть,
Бѣдна птичка, непокойна
Въ мрежу ловца впадаетъ;
Птичка скучить,
Ловецъ плещить,
Она плаче, онъ скаче.

Такъ я слезы проливаю ,
Убѣгшую свободу
Обрыдая, все страдаю
Мою участь молоду.
Но ужъ поздно,
О то грозно,
Во вѣки плѣненну быть !

А. Д.

НЕЗАБУДКА.

Ой пойду я по долинахъ,
 По зеленыхъ развалинахъ,
 Пойду где птички пѣютъ,
 Где пестры цвѣты цвѣнутъ;
 Снайду я тамъ цвѣтокъ драгій,
 Что ми наганеть вѣкъ благій.
 О цвѣточокъ дорогій,
 Онъ ми спомнетъ вѣкъ благій;
 Мой цвѣточокъ не румяный,
 Не златоглавъ, не жолтявый;
 Мой цвѣточокъ маленькій,
 Не пестрый, не бѣленькій;
 Мой цвѣточокъ вида того,
 Якъ очко мого милого,
 Онъ якъ небо сивенькій,
 Прелюбезно миленькій,
 Онъ не растетъ во городахъ,
 Во полатахъ, нѣжныхъ садахъ;

Но цвѣнетъ подъ бережкомъ,
 За черчащимъ поточкомъ;
 Не маеть пахъ благовѣнный,
 Бо онъ есть якъ я невинный;
 Онъ не вонить, не тронетъ,
 Лишь весело все цвѣнетъ;
 Той цвѣточокъ одинъ видѣлъ,
 Коли мя милый увидѣлъ;
 Коли мене полюбилъ,
 Цвѣтокъ сей свѣдѣтель былъ,
 Сей цвѣточокъ одинъ слышалъ,
 Что ми мой миленькій шепталъ.
 Коли ми давалъ ручку,
 При зеленомъ поточку;
 О ты цвѣтку добрѣ знаешь,
 Бо то еще памятаешь,
 Якъ онъ тебе изсорвалъ,
 И мнѣ во подарокъ далъ,
 И говорилъ: ты миленька,
 Сердце мое, ты драженька,
 Молю тя моя буди,
 И мене не забуди; —
 Якъ ми сіе слово сказалъ,
 Въ лице, и ротъ мя полюбзалъ,
 Сивы очка заслезилъ,

И такъ далѣй говорилъ:
 Если ты моя не будешь,
 Альбо мя въ сердцѣ забудешь,
 Такъ исчезнетъ и мой цвѣтъ,
 Унылый будетъ мнѣ свѣтъ.
 И сказалъ ми: да сей цвѣтокъ,
 Будетъ достовѣрный свѣдокъ,
 Что мы собѣ вѣщали,
 И любовь обѣщали;
 И про то онъ Незабудка
 Наречется ажъ до вѣка,
 Мы его не забудемъ,
 Пока едно не будемъ.

Д.

СЪТОВАНИЕ

П а в л а А н ъ о ш а.

Смутно свѣтлый мѣсяць,
 Темными зарями
 Тихо черчащими
 Граешь поточками:
 Самъ ты одинъ бдѣешь
 Съ много несчастными,
 Ихже сердце кроитъ,
 И важдетъ тужбами;
 Ты слышишь смутокъ ихъ,
 Какъ нѣмо вздыхаютъ,
 Коли вся живная
 Сладко спочиваютъ;
 О сіи тихимъ сномъ
 Не увеселяютъ
 Свой жаль; бо серденькомъ
 Стеняще страдаютъ. —
 Се смутна могила
 Темными гробами,

Тихій вѣтрикъ дуеъ
 По надъ ей крестами;
 Ачей она такихъ
 Владѣетъ костями,
 Что якъ я горкими
 Тужили журбами?
 Вижу якъ ужасно
 Изъ гроба ставаетъ
 Тѣнь одна бѣленька,
 Мертвыхъ оставляетъ.
 Не сѣхъ ли отъ числа
 И она бываетъ,
 Коихъ сердце стонетъ,
 Якъ мое страдаетъ?
 О коль бы ту дойшла,
 Я бы не страшался
 Смутнаго вида ей,
 Больше надѣялся,
 Якъ живущихъ лестей
 Всегда страшаяся,
 И хотяй невинный,
 Горко скитаяся. —
 Но она убѣгла! — — —
 И она втѣкаетъ,
 Видше что все слезю,

Мене убѣгаетъ;
 О таже ужь мой вопль
 Ничь не послушаетъ,
 Бѣдно страждущему
 Ничь не помагаешь? —
 Ты вѣчна годино,
 Где есть сила твоя?
 Зови мене молю
 До твоего покоя:
 Раздри страстно сердце,
 Смѣло перси кроя,
 Разрѣши на вѣки
 Бѣдны кости моя!
 Ачей нѣкто придетъ
 Припадно на гробъ той,
 Незабудку всадить
 На вѣный сей одръ мой;
 Вздохнетъ и заплачетъ:
 Се тутъ лежитъ другъ мой,
 Подай ему Боже,
 Подай вѣчный покой!

А. Д.

О ПРИДВОРНОЙ ЖИЗНИ.

Въ нѣжныхъ дворахъ я долго жилъ,
 Горкую сладость вкусилъ,
 Властемъ все подданный служилъ,
 Злое добро искусилъ;
 Много разъ высоко сидѣлъ,
 Много разъ былъ потупленъ,
 Много дурныхъ — мудрыхъ видѣлъ,
 И самъ былъ часто плѣненъ;
 Не желалъ я, что на свѣтѣ
 Только достати власти,
 Трудился во всемъ животѣ
 Ради славы и сласти;
 О коль много ночей не спалъ,
 Непремѣнно трудился,
 Въ искушеніе часто впалъ,
 Но инымъ не журился;
 Токмо милость Владѣтеля
 Получить и любовь,

Токмо пышна Властителя
 Прелестити съ нову въ новъ ;
 Я веселымъ показался,
 Хотяй дуже смутный былъ ,
 Я покорно снизовался,
 Хоть бодрый духъ мя будилъ ;
 Воля Господина мого
 Была воля и моя,
 Я острожно внималъ того ,
 Не чувствовалъ покоя ;
 Коль Господинъ мой смутился ,
 Тогда я ся зармутилъ ,
 Коль онъ плясалъ , веселился ,
 Я съ нимъ ся все веселилъ ;
 Коль уныло болѣзновалъ ,
 Я ему страстно съжалѣлъ ,
 И хотяй боль не чувствовалъ ,
 Тучею горко слезилъ ;
 Когда онъ брашно показалъ ,
 Я тогда голоденъ былъ ;
 Словомъ: что онъ мнѣ показалъ ,
 Я на тое повторилъ .
 Если онъ малый мракъ видѣлъ ,
 Я громку бурю сказалъ ,
 Коли онъ дождокъ увидѣлъ ,

Я ему громы призналъ ;
 Словомъ: я всегда ему жилъ ,
 Ему спалъ, ставалъ, и ѣлъ ,
 Ему тѣломъ, духомъ служилъ ,
 Но я его не любилъ !
 Бо то есть ставъ придворнаго ,
 Что бы онъ и свой не былъ ,
 Чтобы его покорнаго
 Властитель видѣлъ, любилъ ;
 Такъ якъ мотыль легкомыслый
 По цвѣточкахъ лѣтаетъ ,
 Но онъ для себе промыслый ,
 Лишь сладкій сокъ срываетъ ;
 Такъ прелестна пчела въ поли
 Цвѣточкамъ ся кланяетъ ,
 Но всегда по своей воли
 Медъ отъ всѣхъ высасаетъ ;
 Выссавше же сокъ отъ него ,
 Цвѣточка оставляетъ ,
 Когда же усхнетъ , на него
 Больше и не внимаетъ ;
 Такъ я Верхняго почиталъ ,
 Не| чтобъ ему послужилъ ,
 Но о томъ лестно мудровалъ ,
 Чтобъ собѣ полезный былъ .

О придворный! властямъ преданъ,
 Онымъ всегда служить
 Есть повиненъ, горкимъ сластемъ
 И мамманъ жертвити,
 Своей онъ не чуетъ воли,
 Зависть и страхъ со всѣхъ странъ,
 Онъ отрекся своей доли,
 Лестникамъ есть весь преданъ;
 Онъ въ тыхъ мѣстахъ пребываетъ,
 Где бы и самъ не хотѣлъ,
 Кратку потѣху познаетъ,
 Но сторазь ю претерпѣлъ;
 Что въ сердци, души чувствуетъ,
 То не смѣетъ сказать,
 Слѣпый, нѣмый, и не чуетъ,
 Самъ ся не може знати;
 Любимцамъ послѣдовати
 Долженъ, хоть ихъ не любить,
 Себе низко поддавати
 Знаетъ; — самъ себе губить;
 Многоразъ и любимому
 Мальчику ся кланяти,
 Дары приносить ему,
 Повиненъ ся вручати;
 Бо то мальчикъ любой слуга

Много можетъ шептати,
 Коли лестно Господина
 Ведеть на покой спати;
 Часто псичка господняго
 Повинень есть гласкати,
 И якъ бы представленнаго
 Долженъ лестно ласкати;
 Неправедность похваляти,
 И врага полюбзати,
 Господень дворъ похвалити,
 Пріятеля не мати;
 О вѣрности говорити,
 Хотя ю не познаеть,
 Чудная дѣла творити
 Долженъ, хоть ничь не знаеть.
 И про сію тяжку службу
 Яка ему заплата? —
 Про всю старость, про всю тужбу
 Есть надежда богата!

А. Д.

СПИШАКЪ И ЕХО.

По берегахъ , сивыхъ скалахъ
 Ходилъ я раненько,
 Соненько ужъ выходило
 Надъ горой красненько ;
 Закликалъ я ? где ты Ехо ?
 Въ якомъ живешь краю ?
 — — Раю !

Кедь ты въ раю пребываешь,
 Такъ и я рая часть,
 Скажи менѣ, якъ гадаешь ?
 Яка моя участь ?
 Ци мя ждаеть еще слава,
 И радость безсмертна ? —
 — — Смертна !

О што брешешь? участь смертна,
 Та где моя радість?
 Въ жизни мнѣ суть вся суєтна,
 Тай по смерти жалость?
 Ачей Ехо зводишь мене,
 Ты гваришь неправду? —
 — — Правду!

О жестокий пророкъ Ехо,
 Ты гремишь жалостно,
 Скажи: якій мой конецъ? — бо
 Иго мнѣ несносно!
 Яка судьба ждаєть мене?
 Бо горю якъ пламѣнь!
 — — Амнѣ!

Вислоцкій.

Ж А Б А.

(По Лаборскому выражению.)

Што тамъ квичить ,
А што гучить ,
Якій дѣдко наперать ?
Ци то рано , ци то сночи ,
Ци въ полудне , ци въ полночи
Скарѣдно ся раздерать ?

Чей сорока
Бѣлобока ?
Чей ворона ся давить ?
Скреже зубами : кра , кра , кра ,
Дусится грудьми : ква , ква , ква ,
Ачей дѣдко ся бавить ?

То мереке ,
То береке ,
Коа , третре , тритри , тавъ ;
Гучить ги сова : гу , гу , гу ,
Скучить ги тутокъ : ту , ту , ту ,
Бреше ги песъ : гавъ , гавъ , гавъ .

То не птица,
 Бо галица
 Не на деревѣ черчитъ,
 Ай по млацѣ чеперится,
 И у воду занурится,
 По болотѣ верещить.

Теперь знаю,
 Понимаю,
 Што за бѣда такъ бреше:
 То страпата, коропата
 Жаба ряба; ой проклята
 У болотищу креше.

О ждай ряба,
 Брыда жаба,
 Дѣдко бы тя бравъ, и чортъ!
 Придутъ Нѣмцы, рукавицы
 Стягнутъ ти и ногавицы,
 Замокне твой громкій ротъ.

А. Д.

Привѣтствовательныи стихи
Его Величеству
Всемилоствѣйшему Царю
ФРАНЦЪ ІОСИФУ ПЕРВОМУ
на день Славнаго Рождества отъ Ру-
синовъ Вышняго Спиха на крылахъ
Орла Татранскаго принесенный
дня 6/18 сернія 1850 года .

Русины, ликуйте братья
Въ русскихъ всѣхъ странахъ,
Возиграйте дивно
На Татранскихъ днесъ горахъ;
Крини процвѣтають,
Золота жатва наста,
Вѣрныи всѣ воспѣвають
Царя Рождества
Ожиданный день!

Ужь и солнце надъ Татрами
Лучи сыяетъ златы,
Кесарю оно спѣшится
Хвалу честь воздати;

Орле мой Татранскій,
 Ты до солнца знай лѣтати,
 Вознесися днесъ превыше
 Звѣздъ, Царя витати
 Русскими Пеаны.

Съ ондѣ ты увидишь,
 Яко щедро Двоглавный
 Крылми защищаетъ
 Народы и Вѣдень славный;
 Крѣпко тамъ лети,
 И поклонися Ему,
 Разкажи, отъ Спнжа
 Что приходишь къ Нему
 Съ русскими подары.

Попрадъ крылми удари,
 Ажъ зашумится зѣло,
 Да покажетъ онъ Дунайку,
 А съ нимъ Вислѣ диво,
 Какъ народъ играетъ
 Русскаго владычества,
 Яко въ Спнжу славится
 Великъ День Рождества
 Его Величества!

Якъ ликуютъ: Сулиняне,
 Кремпахъ, Орябинцы,
 Камюнчане, въ Стоторгу,
 Не менѣй Литмановцы,
 Остурняне, Липничане,
 Съ ними Якубянцы,
 Выше четырнадцать тысящъ
 Вѣрныи потомцы
 Русскаго всѣхъ рода.

Не смутися, якъ увидишь
 Въ Царевой Полатѣ
 Всѣхъ велможъ Царю своему
 Вѣрно ся кланяти:
 Же ты бѣдный, молодой,
 Въ крылцахъ еще не вправный,
 А дерзнулъ войти, чтобъ
 Повитати день преславный
 Рождества Царя!

Тамъ узришь князей и много
 Храбрыхъ воеводовъ,
 Якъ складають дары,
 Тамъ высланцы всѣхъ народовъ,

Тамъ музыки и вся лики,
 Дамы и герои,
 Тамъ выборы, тамъ приборы,
 Тамъ народовъ рои
 Величаютъ Кесаря.

Ты смиренно приступи
 Ко Кесарю Младенцу,
 Расскажи отъ конхъ странъ
 Еси посланъ, Миленцу
 Велію Царю стицай
 Подати пѣснь народну:
 Что бы Онъ пожилъ
 Предолго, и слободну
 Усчастилъ Державу!

Здѣ открый сокровища,
 Отдай Царевнѣ дары,
 Имиже ты освятиша
 Русскій Родъ и Лары:
 Вѣчну въ сердцѣ вѣру
 И любовь неколебиму,
 Упроси пріяти
 Жертву единоюлюбиму
 Отъ Татранскаго краю.

Покудъ ты во Вѣднѣ будешь,
 Мы войдемъ во храмы,
 Приустроиме престолъ,
 Предъ царскими вратами
 Чашу къ высотѣ
 Воздвигнемъ, и за Отца
 Русскаго Народа,
 Доли Русиновъ Творца
 Мольбы Господу внесемъ.

А якъ прилетишь воспять
 На Татерьъ быстры скалы,
 Возвѣстишь намъ, якъ отдалъ есь
 Даръ усердной хвалы,
 Воскликнемъ тогда съ тобою
 Витязю Царю,
 Громкимъ гласомъ вопѣюще
 Въ русскомъ всемъ краю:
 „Да живетъ намъ
 ФРАНЦЪ ІОСИФЪ!“

ОТВѢТЪ ОРЛУ ТАТРАНСКОМУ

(зѣ 6/18 Сѣрпня.)

Татрогорній Орле, про что
Днесъ толь солодко спѣвашь?
Любопытно къ горамъ, холмамъ
Австріяцкимъ приникашь?!
Кесаря съ нами чтишь,
Или намъ завидишь:
Коль весело почитаемъ
Свѣтоносне торжество,
Сладкопѣвно ублажаемъ
Кесарево Рождество?!
Нѣтъ: — но ѣ крылна природа
Кричитъ словомъ народа:
Ликуемый! въ струны вдарь,
„Нехай живетъ долго“ гварь
Отець, Мати и Кесарь!

Правда Орле, днесь Францъ Іосифъ
 Двадесять лѣтъ совершилъ,
 Даровавшій намъ народность,
 Котру дѣдъ, прадѣдъ просилъ.
 Русине! втри очи,
 Орлику! возкличи:
 Спѣть покойно друзья, братья,
 Пра и дѣдику старый,
 Что бо щиро вы желали,
 Далъ намъ Отецъ молодой!
 Спочивайте покойно,
 Мы возкликнемъ голосно:
 Ликуемый! въ струны вдарь,
 „Нехай живетъ долго“ гварь
 Отецъ, Мати и Кесарь!

Ци такъ Орле, же Францъ Кароль
 Истымъ словомъ государь,
 Егда зъ него происходитъ
 Младѣдивный нашъ Кесарь?
 А Мати Высока
 Крѣпкаго Отрока
 Цили не есть правымъ словомъ
 Люба наша Цариця,

Егда ея главу вѣнчать

Вѣнценосна косиця?!!

Пѣй орлику радостно,

Мы возкликнемъ голосно:

Ликуемый! въ струны вдарь,

„Нехай живетъ долго“ гварь

Отецъ, Мати и Кесарь!

Николай Нодь.

ТРЕТІЙ МАЯ 1850.

Два годы тому, якъ воскресъ,
Всей нашей Руси въ избавленье,
День Третій Мая: онъ принесть
Народное намъ воскресенье!

Якбы Ангеловъ молитвами,
Богъ милостивъ былъ такъ надъ нами,
Когда же Свято Воскресенья
Празднують въ небѣ, на земли,
Въ тѣ дни торжествуемъ и мы
Рочницу нашего рожденья!

Чіе же сердце, грудь чія
Веселіемъ не заиграетъ,
Когда воскресша отчина
Свободной жизнью днесъ сіяетъ?

Она забвенна, поругана,
Врагами въ сонъ заколысана,
Бездѣльно столь вѣковъ проспала;
 Пропалабъ въ тьмѣ на вѣкъ она,
 Естли бы милость ей Царя
Во жизнь новую не возвала.

Внидимъ же, братья, въ Божій храмъ,
 Святити Третьяго День Мая;
Лишь съ Богомъ нынѣ быти намъ,
 Егоже милость поминая.

Съ чувствомъ Его молимо ревнымъ,
Съ благоговѣніемъ душевнымъ,
Дабы якъ досель далъ намъ силу,
 Вспирати вѣрно Царскій тронъ,
 Всегда хранить нашъ законъ,
Народну честь, и Русь намъ милу!

Б. А. Д.

РУССКІЙ ДОБРОВОЛЬНИКЪ.

Къ отчизнѣ ревностью горя
За вѣру мерли и Царя.

Державинъ.

І.

Подъ Бескидомъ — въ полонинѣ
Стоитъ хижа — а въ хижинѣ
Мати сына умоляетъ,
Словы, слезми сдерживаетъ:
Чтобы не шелъ на бой крутъ,
Гдѣ струями кровцю льютъ!

„Пусти нене мня на волю,
Погуляти въ широмъ полю;
Череду враговъ разбити,
Иль со славой вѣкъ скончити!
Днесъ роковы бьютъ часы,
Врагъ погибнетъ или мы!“

— Да съ врагомъ какъ сыну битись,
Противъ тѣмъ его ставитись,
Коль онъ грянетъ стрѣлой грома!?
Лучше сыну остань дома
У матери у твоей,
Сноси нужду вмѣстѣ съ ней. —

„Мила жизнь менѣ съ тобою,
Хоть въ нуждѣ она и зною;
Но коль мы въ уединеньи
Объ своемъ журимся мѣнѣи,
Нечаянно врагъ придетъ,
Хату, мѣнѣе раззоретъ!“

„Гляди нене! въ нашей Руси
Вражіе владѣютъ трусы,
Божьи храмы оскверняютъ,
Нищу братью обижаютъ;
Сколь безвинныхъ пало жертвъ,
Шагъ еще — и Русь трупъ — мертвъ!“

„Охъ! не будетъ здѣсь раздолья,
 Не придетъ къ намъ лучша доля,
 Пока биться о Карпаты
 Не престанутъ супостаты! —
 Пращай нене! — въ братній полкъ
 Мня зоветъ отчизны долгъ!“

Пусто мати умоляетъ,
 Въ отчаяніи рыдаетъ;
 Онъ печаль свою прижавши,
 Стару стрѣльбу съ колка снявши,
 Сквозь яруги, сквозь выбою
 Пошумѣлъ на лютый бой.

II.

Подъ Бескидомъ — тучи бьются;
 Да не тучи — а борются
 Вражи толпы съ Словяками,
 Да со русскими сынами;
 Одни ряды упадутъ,
 Другіе съ земли растутъ. —

Да на югу выше Савы,
 Свѣтъ взбивается кровавый; —
 Иль то небо такъ багряно?
 Или жаромъ посѣяно? —
 Нѣтъ — то храбрый Сербъ, Хорватъ,
 Громятъ ряды супостатъ!

Откуда же бой жестокий
 Пламень въ край раздулъ широкій,
 Людей мирныхъ изгналъ зъ хаты?
 По чему ажъ о Карпаты,
 О скалистый, вышній сводъ
 Громовъ раздался грохотъ?

Вотъ племя чужее, странно,
 Въ давны вѣки нечаянно
 Въ сіи вторгнувши просторы,
 Разсѣваетъ днесъ раздоры,
 Не помня на благодать,
 Юже не знаетъ воздать!

Отечеству измѣняя,
 Съ гордостей опровергая
 Доброту и милость царску,
 Возновляетъ быль варварску,
 Въ нюже страшно поглядѣть,
 Въ ней любви ни вѣры нѣтъ!

Бѣдны, бѣдны тѣ народы,
 Въ пепелищахъ вьси, города,
 Вой надъ Тисой, надъ Дунаемъ;
 Сжался Боже надъ тѣмъ краемъ,
 Гдѣ столь льется крови, слезъ,
 Гдѣ народа цвѣтъ исчезъ!

III.

Надъ Бескида вершинами —
 Враны летаютъ кружками;
 У подножья скалъ пѣсчанныхъ
 Много труповъ разбросанныхъ;
 Обоня враны жиръ,
 Вѣрно слетѣлись на пиръ.

Въ труповъ передней громадѣ
 Кой — на кровавой площади —
 Лежить мертвецъ порубаный,
 Самопаль держа во длани,
 Какбы на часахъ воинъ?
 Ахъ то русской неньки сынъ!

Во тѣ поры сумъ былъ въ краю
 По обумъ брегамъ Дунаю,
 Мати Слава рыдать стала,
 Много сыновъ пострадала,
 Столь надежныхъ, юныхъ силъ
 Годъ одинъ ей поглотилъ!

Но межъ столько бѣдствіями —
 Ангелъ какъ подъ небесами,
 Возносится утѣшенье:
 Что въ великомъ семъ сраженіи
 Побѣда и вышня честь
 Славянъ наслѣдіемъ есть!

Свой бо родъ спасти желая,
 Жизнею пренебрегая,
 Храбро въ борбѣ отстояли,
 За царя за вѣру пали!
 Столь жертвъ марно не идетъ,
 Днесъ новый съ нихъ свѣтъ растетъ!

Съ пожежду всѣхъ опасностей,
 Равноправность народностей,
 Свобода имъ разцвѣтаетъ,
 Руси во славу сіяетъ,
 Какъ небесный солнца лучъ,
 Кой раздѣръ ватагу тучъ!

Б. А. Д.

ВРУЧАНІЕ.

Я Русинъ былъ , есмь , и буду ,
Я родился Русиномъ ,
Честный мой родъ не забуду ,
Останусь его сыномъ ;
Русинъ былъ мой отецъ , матери ,
Русская вся родина ,
Русины сестры , и братья
И широка дружина ;
Великій мой родъ , и главный ,
Міру есть современній ,
Духомъ и силою славный ,
Всѣмъ народамъ пріемный.
Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бескидомъ ,
Первый воздухъ русскій ссаль ,
И кормился русскимъ хлѣбомъ ,
Русинъ мене колысаль.
Коль первый разъ отворилъ ротъ ,
Русское слово прорекъ ,

На азъ - буцѣ первый мой потъ
 Зъ молодого чела текъ.
 Русскимъ потомъ я питанъ былъ,
 Русскимъ ишолъ расходомъ
 Въ широкій свѣтъ; но не забылъ
 Съ своимъ знатися родомъ. —
 И теперъ, кто питаетъ мя?
 Кто кормить, кто мя держитъ?
 Самое русское племя
 Мою годность содержать!
 Прото тобѣ, роде мой,
 Кленуся живымъ Богомъ,
 За печальный потъ и трудъ твой
 Повинуюся долгомъ. —
 И отдамъ ти колько могу,
 Прійми той щирый дарокъ,
 Прійми вотъ маленьку книгу,
 И сей писменный рядокъ;
 Прочее же не забуду,
 Сердца моего скруху
 Пожертвити; — я твой буду,
 Твоимъ другомъ и умру.
 Духновичъ.

ПАМЯТЬ ЩАВНИКА.

(1. Червня 1850.)

Презирая велелѣпный гражданскій звукъ, которымъ малодушнія сердца, и легкомыслин образы такъ весело занимаются, отложивъ на сторону политическія хлопоты, умѣнилъ унылому сердцу и бѣднымъ чувствамъ покойную позволить прогулку, и прито удалился отъ крикливыхъ пышнаго града непокойствъ, оставивше презрѣму гражданску радость, пришолъ на село съ намѣреніемъ, чтобъ тяжкую грудь между невинными сельскими жителями упокоити, и святую природу въ своей простотѣ увидѣти, и нею занимательно увеселитися. — Я не далеко убѣгъ, и ледва двѣ статіи перешолъ, остановился въ *Щавнику* селѣ, при здравоносномъ жерелѣ кѣслыя воды, где для здорова искающихъ, а наймаче въ ломотной болѣзни терпящихъ

лѣпое поставленно есть купельное строе-
ніе. Тутъ я остановился, тутъ далеко отъ
покой гублящихъ желаній, отъ вражїихъ
стреленій, и отъ должностныхъ мученій
слободенъ, одною тишиною и тихою са-
мотностію ўвселялся, одинъ видъ по тем-
но зеленающихся вершочкахъ, одинъ не-
винный взоръ на шолковїи долины, одинъ
взглядъ на жалостно шумящій поточокъ,
одное позрѣніе на весело играющія чере-
ды, такъ и тихенькій звукъ чередныхъ ко-
локолчиковъ, согласное маленькихъ птицъ
пѣніе и гукъ ноцныхъ совъ, якоже и про-
стонародное благихъ сожителей одѣяніе воз-
торгнули мой духъ; я троненъ былъ вол-
шебствомъ простыя Натуры, я летѣлъ къ
расточенному предмету пламенныхъ моихъ
желаній, я трепеталъ не знаю якимъ чув-
ствомъ, и во изобилїи сердца громко вос-
клицалъ: О славная природо! тебе я вели-
чаю въ твоємъ велелѣпїи, — какъ ты пре-
красна! твоя чистая одежда, твой невин-
ный уборъ изящнѣйшій, прїятнѣйшій есть,
нежели всѣхъ художниковъ искуснѣйшія
рукодѣланія, ты превyšаешь острѣйшій

умъ, и челоѡкъ только подражатель есть твоего великолѣпія, — о я тутъ со всѣмъ доволенъ, ты мой на земли небесный рай! —

Въ томъ чувствованіи невинными красотами обманутый, прошедь я нѣсколько шаговъ, и се прекрасный видъ: на окруженномъ холмику стояла деревяна трема башеньками украшенна Церковца болше природою, нежели расточительнымъ художествомъ устроена, тупою сокирою, простымъ топоромъ, но горливою любовію, чистаго благоговѣнія хитростію, и сердечною охотою созданна; — я посмотрѣвъ сіе созданіе, и тяжкій вздохъ мягкую поднималъ грудь, и самъ онъ вздохъ вырвалъ трясущееся слово: *О Господи!* набожна она мысль воздвигнула умъ мой выше небесъ, я хотѣлъ поняти храма сего Владыку, и возвалъ во рвенности духа: О ты словомъ создавый вся, ты неба и земли сильный Строитель, ты повсюду сущій, безъ времени временъ водитель, ты свѣтъ свѣта основатель, Ты Богъ, солнечной лучи свѣтлѣйшій, въ непремѣнной славѣ жи-

вый, въ сей худой деревяной почтенъ халупочѣ! — и сіе худопростое строеніе возвратило умъ мой на святую Хрістіанства древность, въ семъ якъ въ зеркалѣ изображенъ былъ мнѣ святой вѣкъ богонатхновенныхъ Апостоловъ, коли въ халупкахъ, пещерахъ Господу жертвы тучносердечныя приносилися, распамятался съ слезами на деревяніи Церкви, и на злати сердца. — Молчаніе, мракъ, и ужасъ царствовали во внутренности моей, я тутъ позналъ красоты Природы, величество Бога, совершенство ума человѣческаго, и соединеніе всего; что есть изящнаго во предѣлахъ міра; я помнулъ, что время, дщерь вѣчности, содержала тутъ Престолъ свой отъ юныхъ дней міра, и удержало нѣчто изъ слѣдовъ тысящелѣтнихъ; — и въ той глубокой мысли лечу на вершины нѣжности, и чувствую оживленіе всѣхъ жизненныхъ силъ. — Въ такой мысли посадился на холодный холмичокъ, и очутившеся сей часъ примѣчаю, что я на Гробѣ сижу; разсмотрю округъ себе, и вижу — о страхъ! — множество гробовъ, вижу что на мѣстѣ

томъ зелеными вѣтвями окруженомъ есть
смутная Могила! —

Таже я на гробъ сижу, на праху, на
безобразныхъ костяхъ человѣческихъ! и
вздыхнулъ: С е ч е л о в ѣ к ѣ ! — Онъ
жилъ, якъ я, онъ думалъ, онъ тужилъ,
онъ веселился, якъ и я, — а я теперь на
его гробъ прогуляюся! — Можно тутъ спо-
чиваетъ отъ тяжести работъ утружденный,
и заморенный селянинъ, — можно что му-
друющаго Філософа многоцѣнная голова
тутъ выпорожнила свой почитанный мо-
зогъ, — можно что молода многихъ пре-
лестившая дѣвушка, отъ вздоховъ тяжкое
сердце здѣсь упокоила? Богъ вѣдаетъ, кто;
— едине знаю, что въ гробъ етомъ сущее,
былъ мнѣ подобный человѣкъ! — Далѣе
по всюду видѣлъ простерты гробы, и се
уже свѣтъ солнечный скрывался, послѣд-
ній лучъ за нимъ бѣжалъ, прелестный со-
ловѣй вечернюю пѣснь уже щебеталъ; я
троненъ былъ, страхъ, и ужасъ обнялъ серд-
це мое, хотѣлъ отдалиться отъ печаль-
ныхъ мѣстъ, но ноги не служили; остался
якъ столбъ нечувствennyй, и только вздох-

нуль: О печальное мѣсто! оттуду и солнце убѣгаетъ; — о якъ оно прекрасно сіяло лучами, и уже скрылося: такъ человѣкъ въ зарѣ сілетъ, но пришедшу вечерю изчезаетъ, и конецъ его останетъ Гробъ. — Человѣкъ! свѣта сего обыватель, радостями занятый ширится по всей земли, ему вся селена тѣсна есть, онъ въ строптивой жизни зараженъ лживою тщетою, о своемъ гробѣ, якбы ему на вѣки жити должно, не поминая, преслѣдуетъ друга, и для худыхъ имѣній, для пустыхъ чиновъ, для безславныя славы непокойный, труды поднялъ незная, что сіи ему въ гробѣ неполезны будутъ; — человѣкъ колько лестныхъ и фалшивыхъ ковъ строитъ ближнему, не разсудивъ, что въ утробѣ земли всѣ равны себѣ будутъ, не помнетъ, что онъ челоѣчества врагъ, онъ готовый друга изъ всей селеной изгнати, онъ невиннаго челоѣка гонитель, его немилосердно убивъ, онъ якъ мѣхиръ празною парою надутый, по маломъ времени, а можно еще и днесъ земной утробѣ предастся, и съ врагомъ своимъ ляжетъ, и тогда между ними

миръ, и они покойно споятся, и будутъ друзья. —

Такъ я глубоко внурень въ мысляхъ отрупѣлъ, и мысль остановилась! невольный вздохъ пресѣкъ мой гласъ, и вся грудь отъ горести тужила, все округъ мене молчало, только вѣтрикъ потрясалъ зелеными листочками по насажденныхъ стромахъ; и сей часъ наремно звучалъ тонкогласный звонъ, вечернюю заповѣдающъ молитву; я всторгомъ очутился отъ сонной мысли, нѣсколько слезъ пустивъ, благословивъ темную могилу съ выраженіемъ сердечнымъ, блаженный вамъ покой, отдалился отъ ужасныхъ мѣстъ; въ отходѣ стрѣтилъ убогаго селянина съ косою на рамени, вопросилъ его о дневномъ дѣлѣ; онъ сказалъ, что косилъ траву зеленую для быдлъ своихъ, — и тогда еще больше распалилася моя грудь, и закричалъ: О сколько невинныхъ весело цвѣтущихъ травъ, сколько развиватися начинающихъ цвѣтковъ изсѣкла немилостива твоя коса, только молодыхъ тѣлесныхъ цвѣточковъ падаетъ подъ неумолимая Смерти жестокою косою! — Такъ

пришолъ въ хижинку мою, и цѣлую ночь въ ужасномъ проводилъ снѣ. Видѣлъ якъ иногда Пророкъ кости безъ славы, и потрясся душею, и воскликнулъ: О Господи! по толикихъ работахъ, тяжкихъ язвахъ, по толикихъ мозолахъ, бѣдный Русинъ такъ безславно гніеть, одною увеселяся надеждою всеобщаго Воскресенія!

А. Д.

МИЛЕНЪ И ЛЮБИЦА

идильская повѣсть, отъ древнихъ
Русиновъ временъ.

Еще подъ высокимъ Карпатомъ, подъ
цвѣтами гобзящимъ Бескидомъ широко
пространный Русскій Народъ не былъ
иноплеменикамъ подверженъ, и еще влас-
ными управлялся чиновниками, такъ зван-
ными Крайниками, по быстротекущаго Ла-
борця, Уга, Латюрки, и славныя Тисы
берегахъ, храбрін Русины, властитель-
ствомъ своимъ довольныи, весело утѣша-
лися, въ чистой совѣсти послуживше Го-
споду, въ свято простой природѣ якъ сво-
бодныи птички играюще, въ заимной люб-
вѣ якъ родныи братья жили. Обиталища
ихъ отъ снѣжнаго Карпата по саміи же-
рела славной Тисы, а съ южной стороны
тихотекущимъ великолѣпнымъ Дунаемъ гра-
ничилися. Тогда отъ воинственныхъ Вожд-

домъ Стиликономъ еще 520го года въ Ита-
лію для взыску Славы отшедшихъ, но го-
ре, мѣсто жданной славы темный гробъ
обрѣтшихъ сродниковъ своихъ оставшіи
Русины, уже свѣтлостію божественнаго
Евангелія просвѣщенныи, презрѣвше нѣж-
ныхъ художествъ, земледѣланіемъ занима-
лися, доволніи худаго кровавымъ потомъ
набывшимъ кускомъ хлѣба, и сытнымъ
стада молокомъ, доволніи домашнимъ про-
стонароднымъ, отъ мягкой волны исткан-
нымъ уборомъ, по широкопространныхъ
зеленыхъ нивахъ, по тѣнныхъ, самому міру
современныхъ лѣсахъ, невинно стадо па-
суще, и невинными народными играми ве-
селящися, часто же о отшедшихъ сродни-
кахъ своихъ ужасно разговоряще. —

Но оставимъ древно-народныя славы
Исторію; преднятая повѣсть снуется по
берегахъ славной рѣки Лаборца; — бо
помянути потребно, что рѣка Лаборецъ,
въ коей, по свидѣтельству Безименнаго
Нотарія, Владыка Славянъ утонулъ, въ
древное время, отъ подземныхъ теперь
уже скрытыхъ источниковъ, такъ глубока

была, что и въ сухихъ погодахъ только лодками и плытями чрезъ ню плавати, перебродити але никогда было возможно. По обой сторонѣ таже Лаборця жили невинныи Русины старательно землю дѣлающіи, и великое стадо найпачеже овецъ и козъ по масныхъ, и гобзивыхъ полянахъ пасущіи; жили въ займной любвѣ и по-братимствѣ, своихъ водителей Крайниковъ честующе, и имъ повинующеся. — На сѣверо-восточной сторонѣ рѣки занимала ихъ высокая гора, тогда названна Синайскою горою, которая теперъ Выгорля или Дѣлъ познавается, съ ужасною на вершинѣ скалою, называемою Синайскій, или отъ тѣхъ, которіи теперъ древность Русиновъ помрачити хотять, Снинскій Камень реченою. — На болшомъ горбику оныя горы стоялъ тогда маленькій, и хотяй не знаменитымъ художества украшеніемъ, однакожь красками внутренняго благоговѣнія убранный Монастирь, святѣй Екатеринѣ посвященъ, съ маленькою деревяною церковцею, набожными Чина С. Василя Великаго Законика-

ми обитаемый, котораго уже и самыхъ щебеней не знати.

Колькоразъ молода развивалася весна, собралось съ обонхъ сторонъ множество побожныхъ богомолцевъ, наипачеже молодыхъ пастуховъ съ веселыми пастушками; всѣ приходящіи по возможности отъ своихъ плодовъ дары приносили въ Монастирь, моляще Вседержителя, чтобъ береги ихъ тучною пашею, нивы и сады богатымъ плодомъ благословилъ, и отвратилъ грозный поводъ отъ береговъ ихъ.

Еднымъ веселымъ весны днемъ, на день С. Великомученика Георгія собралось множество богомолчиковъ на Святую Гору, бо сего дня первый весенный отправлялся праздникъ. Съ десныя рѣки стороны собравшіися ожидали зарѣчныхъ друговъ, везущихся рѣкою плытями и лодочками. — Прекрасный видъ! множество шлюбкащихъ лодочокъ укрыло рѣку, на нихъ побожное пѣніе и веселость благочестивая, звукъ свистковъ, свѣрѣлъ, фуляръ и дудочокъ, набожныхъ гласовъ повторяющихъ въ радость похитили сердце,

паруски украшены вѣночками, разныя барвы цвѣтами, зеленымъ синьо цвѣтущимъ бервинкомъ, пантliками и тонкими ширинками, словомъ вкусно украшены корабчики показовали великаго праздника торжество. — Ледва приблизились къ берегамъ, и молоды дѣвушки якъ хитріи серны скакали уже по зеленой травѣ, лстиво обращающе взоры на слѣдующихъ молодыхъ пастуховъ; — повиталися любезно обоихъ сторонъ сродники, дѣвушки цѣловалися заимно, шептали собѣ тайны уже давно явныя, всегда тайкомъ поглянувшіе на стороны, единакожь хотѣли, чтобъ тайныи взоры ихъ отъ молодцевъ видомы были. — Видати было тутъ, якъ една чорнобрыва, чорными кручеными волосами утѣшается, друга сивыми оченьками ажъ серденько проникае, една отлучается бѣленькою шією, тои бѣленькая гобзящая грудь якъ снѣгъ свѣтитса, и не одного пастушка серденько ранить; а тутъ неискусна молоденька якъ ягодка, якъ розовый бростъ дѣвушка дивитса, незная, чему грудь ей такъ непокойно двигается. — По парѣ

приближались дѣвушки къ святой обители, ихъ послѣдовали народно убраны молодцы, по малы же за ними крачали честныи сродники, где сѣдою бородою почтенный Законникъ священою водою и святымъ крестомъ ихъ благословилъ, и о имени господнемъ набожно привиталъ. — Тутъ отдавали дѣвушки дары свои на престолъ: по единоцѣ ишли, выпорожнили свои кошки, положивше на святой престолъ бѣленькій якъ снѣгъ пшеничный хлѣбушокъ на жертву приготовленный, разный овощей плодъ, грудочку сыра, масла, и патокаго меда, а прекрасно съ розъ и незабудки увитый вѣнокъ повѣсивше на святой образъ Пресвятыя Богоматери, или Святыя Екатерины. —

Сей часъ принесла первую свою жертву за рѣкой живуѣца 16 лѣтя Любца; — радость и невинность плавали на ей румяныхъ, невинныхъ личкахъ, и проникающіи чорныи оченька на прекрасный праздничный образъ вперше, такой показала видъ, якъ сама любовь; она первый разъ показала на народномъ празднику, и она

всѣхъ дружекъ своихъ красоту перевы-
шила такъ, якъ царица цвѣтовъ роза пе-
ревышаетъ въ травѣ процвѣтающіи косич-
ки; еи чорненьки оченька, бѣло-румяное
личко, узонькій красноватый якъ дозрѣ-
ла ягодка ротикъ, бѣленькая холмистая
грудь, и снѣгу подобныи плечи, по ко-
торыхъ вороно-чорныхъ волосовъ звязоч-
ки рассыповались, уязвили молодыхъ па-
стушковъ, всѣхъ взоры на одну Любицю
вперты неотмѣнно стояли, очарованныи
молодцы потряслися, думаячи что Ангелъ
съ неба стоитъ предъ ними, еденъ дру-
гаго шептомъ о имени незнамыя дѣвушки
вопросивше. Такъ стояла съ трепетомъ
при образѣ праздничномъ душею тронена
Любица; грудь ей тряслася чувствуячи и
сама незная чего; и тѣмъ болше лучшая,
что сама свою красоту еще не понимала.

Между прекрасными молодцами всѣхъ
взоры заемшій Милень 20 лѣтній юноша,
тихо стоялъ подъ широко-вѣтвенною ли-
пою, невнимательно разсмотрѣвъ по ве-
селящихся прекрасныхъ дѣвушкахъ; —
очи его якъ врановы съ множествомъ смѣ-

ющихся очей стрѣчали; съ внутреннимъ пораженіемъ посмотрѣла на него каждая дѣвушка, и напрасно обернувшѣ взоръ со-сѣдѣ своей дашто шепнула, съ нову тайно повергше взоръ на прекраснаго молодца, и нехотяще засмѣялася на него. Но Милена ни еденъ возбудилъ взоръ; увидѣвъ же невинно стоящую подѣ молодою липкою Любицу, сей часъ съ груди его несносный выразился вздохъ, лице его отъ незвычайнаго нѣкоего стыда покраснѣло, а взоръ аки бы окованный осталь на чернобрывой дѣвушеньцѣ; — теперъ Любица наремно вергла оченько на стѣнящаго Милена, и напрасно оченька ей занурились, незная, что такое всторгнуло серденько ей, и потряслася въ всѣхъ удахъ; но и Миленъ потрясся, сердце било грудь, и не посмѣливался болше поглянути на чаровную дѣвушку, а единакожъ взоры его непрестанно на ней висѣли; — онъ весь троненъ и безчувствительный стоялъ, боязнь обяла его, чтобъ дивный дѣвушки образъ случайно не удалился ему; — и прекрасная дѣвушка не удалилася, остала на своемъ

мѣстѣ якъ закопанный столбъ , якъ бы запорожена, не внимая на разговоры дружечки своей, только тайная якаясь сила взоры ей на незнамаго младенца тягала, и коли съ его смутными очами стрѣчались, сей часъ якъ бы терномъ пободена, возмущенны взоры къ маленькимъ ноженкамъ пустила. Даколи прекрасна Любница между дѣвушками наремно стратилася, тогда Миленъ въ великое упалъ непокойствіе, но съ нову увидѣвъше Любницу доразъ увеселился, очи его искрили радостію, якъ между чорныхъ хмаръ на пространныи поля напрасно сходящій мѣсячокъ увеселяетъ жизнь рябыхъ косиць. —

Сконченной набожности, духовный законникъ благословивъ богобойныхъ постытителей, — повернулись съ благоуханіемъ и тихостію всѣ богомолцы; — уже отити принужденна и Любница, первый разъ никогда чувствимый чувствовала непокой, сердце ей тряслося, смутно поглянула на ватрупившаго Милена, и тяжкій вздохъ вырвался съ ей бѣлыхъ персей, прискорбно ступала къ берегу, где лодочка уже напол-

нена ю ожидала; еще разъ обернулася, глянула на едномъ мѣстѣ подъ липою стоящаго Милена, и съ нову печальный вздохъ поднялъ стиснутую ей грудь; нѣмо ступила въ лодочку, и она сей часъ поплыла по чистой водичцѣ. — Миленъ ужасный взоръ еще разъ вергъ на отходящую лодочку; и только не замѣлъ, что она спасеніе его отвезла. — Нещастный Миленъ! якъ бы громовымъ ударомъ троненъ, осталъ подъ липою, слезы съ его очей текущїи сросили зеленую траву, бездушно вперъ очи на быстротекущую, и серебряными валами играющую рѣку, проклиналъ ю, что она отдаляетъ его отъ любезнаго Ангела; но уже не видѣлъ свирѣпую лодочку, она счезла по валахъ, якъ легко парящая птиченька по воздуху. Въ семъ состояніи тогда только пробудился отъ тяжкаго сна, коль его товариши покликали. — Что тобѣ? говорили соболѣзнующїи младенцы, — ты боленъ? голова болитъ ты брате? и сожалѣли всѣ, бо его любили сердечно, онъ врага не малъ; онъ больнымъ себе сказалъ, бо истинно боль его

великій и тяжкій былъ; — ишолъ съ товарищами по бережку, всегда на рѣку и на тамтую сторону позирающе, не внималъ ни звукъ пѣнія и игры друзей; поблагодаривъ ихъ, войшолъ въ хижину отца своего Богдана, поцѣловалъ любезнаго старика, и разговорился съ нимъ о бывшемъ празднику. — Старикъ благочестивый пріемъ въ объятія сына своего, сказовалъ ему о древнихъ временехъ, о случившихся поведѣхъ и ущербѣхъ, и о чудесномъ защищеніи Пр. Богоматери; такъ утружденъ сну предался мягкому. — Миленъ оставивъ стараго родителя въ сладкомъ снѣ, вышелъ въ садъ, и печально вперъ очи на тамтую сторону рѣки; — не увеселилъ его уже лѣпо за горы выходящій мѣсячокъ, не радовали взоръ его трепетающіи звѣздочки, онъ безчувственъ стоялъ якъ закопанный столбъ, на конецъ скричалъ: что мнѣ случилось? что я чувствую? отъ куду сіе трясеніе персъ, чому непрестанныи вздохи? — О чому не зналъ я взоръ мой отъ ней отвратити? чому я пропалъ на отходѣ ей? и чемъ есть сія печаль доселѣ? — Ахъ,

ахъ, я несчастный! ю одну вижу я, вижу
 ты о прекрасная дѣвушко подъ липою, ви-
 жу ты стрѣляющую оченьками на мене,
 вижу ты печальную, вижу чорніи оченька,
 воронисты волосы по бѣленькихъ плечахъ
 плавающїи! — О прекрасная дѣвушко, ты
 мене очарила, ты сердце мое плѣнила,
 я уже болше не живу! — о естлибъ и ты
 мене любила! — Но где ты? о далеко!
 Богъ вѣдаетъ, где ты почиваешь? и мож-
 но въ обятїяхъ другаго? незная, что я
 тужу за тобой! — Но драгая, твой пре-
 красный образъ всегда предо мною есть,
 съ мною онъ будетъ день и ночь, съ
 мною выйдетъ на зеленую пашу, со мною
 къ поточку черчущому, онъ мнѣ сопрово-
 вати будетъ по унылыхъ лугахъ, и можно
 безъ надежды, чтобъ его даколи увидѣти!

Жалостно сказалъ сїи слова, оперся на
 сухій пенъ, воздвигъ очи на свѣтлый мѣся-
 чокъ, и печальный вздохъ выразился съ
 грудей. Такъ прекрасна она, говорилъ,
 якъ ты ночная небесъ Царице, такъ кра-
 сива она въ числѣ дѣвушокъ, якъ ты ме-
 жду свѣтлыми звѣздами около тебе бле-

стящими; — съ нову замолчалъ, забылся, и съ нову тяжкій вздохъ разсыпался по воздуху; такъ еще долго опертый стоялъ при безчувственной колодѣ, якъ она и самъ безчувственъ; — пустился на зеленый холмикъ, и тяжкій сонъ заперъ слезящій оченька. —

Миленъ твердо уснувъ, въ снѣ предъ нимъ стояла любезна дѣвушка въ подобномъ Ангела виду, онъ осмѣленъ извѣстивъ ей горящую любовь, молилъ ю о взаимной любви, стиснувъ бѣлу рученьку, простеръ объ руки на обятіе, и се — — о страхъ — онъ воздухъ обнималъ! пробудился, обнимати готовіи руки умѣли, и новый жалостный вздохъ разсыпался съ груди его по широкомъ воздуху.

Иными часами свѣтлая зоренька, и весело щебетающихъ птицъ утрення пѣснь Милена на радостны пѣсни возбудила, онъ доселѣ по набожной утренней молитвѣ радостно дулъ въ гласную фуюру, и воздухъ отбивалъ по скалахъ его гласъ; но теперь первый разъ смутно, и журливо привиталъ въ златой одеждѣ за горы ве-

лелѣпно исходящее солнце, выпустивъ съ кошары невинное стадо, дивящееся на печальнаго вожда, вышелъ на поле, где его пастухи пріятно пріймали. Тутъ точился любезный разговоръ о вчерайшемъ празднику; еденъ показовалъ жолто-синю пантличку, которую ему любезна дѣвушка вчера подарила; другій показалъ косичку, которую ему мила дѣвушка заплала за широкій шепачокъ; третій спѣвалъ новую пѣснь, котору отъ миленкой вчера научился; единъ лишь Миленъ задуманный стоялъ опертый на палицю, ни слова рекше, — тяжкими вздохами занятый. — Пастухи примѣчающе незвычайну его скорбь, посмѣялися, и онъ уже утанги не могъ, что сердце его любовь опечалила.

Любовь Милена день днемъ росла, онъ отдалился отъ пастуховъ, потупивъ игры и веселости; — не увеселили его зеленныя весны радости, и всякое товаришество 'му тяжелое было; самотностію занятый стадо свое загналъ въ дебрѣ, по хащѣ блудилъ отчаянно не кинувше болше фуяру, замолчалъ якъ косъ во время жатвы,

непрестанно прекрасныя дѣвушки образомъ упражненъ. Часто садился на скалу ужасну, вперъ очи на тамтую рѣки сторону и сердился, что пришедшу вечеру отдалитися долженъ былъ отъ вида южныхъ береговъ, — и тогда на способъ стнящей горлицы тужилъ, гласно говоряще: О щастливое дерево, котораго тѣнь пріймаетъ тебе прекрасна голубочко! — О якій вѣтрикъ холодитъ румяное личко твое? где ты? ты сердца моего драгоцѣнный бѣсерю! ачей никогда уже не найду тя? — и хотяй непременно ты въ моихъ очахъ, единакожь ты мною невидима! — О естли бы ты чувствовала мою тужбу, естлибъ ты знала коль я плѣненъ тобой, на истѣ помиловала бы ты бѣднаго любовника, несчастнаго плѣнника!

Въ такой тяжелой тосцѣ горящїи ему покотилися слезы, еденъ глубокий вздохъ другаго достигалъ, и въ томъ жалѣ посмотрилъ на покойно лежащую свою фуру, наремно поднялъ ю, и напрасно отъ тяжести сердца громко загралъ слѣдующую

П ъ с н ь :

Прелестныя горы,
 Быстры поточки,
 Зелены долины,
 Рябы цвѣточки,
 О уже вы мене
 Не веселите,
 И страстную печаль
 Не утолите.

Бо мое серденько,
 И самъ не знаю,
 Чомъ плаче горенько?
 Не понимаю,
 Все горитъ якъ пожаръ,
 Палитъ якъ пламѣнь,
 О несносный тяжаръ,
 Якъ млинный камѣнь!

Были то години,
 Но ужь минули,
 Коли ми калины
 Мило цвѣнули;

Коли ми соловѣй
Весело свисталъ,
Коли ми бѣлый день
Ясненько блисталъ.

Но щастіе мое
Где ся подѣло?
Чомъ мое серденько
Такъ занѣмѣло?
Пропала ми доля,
Доля молода
Убѣгла такъ скоро,
Якъ быстра вода!

Еще далѣй хотѣлъ пѣти жалостну
пѣснь, но грудь не дозволила, свернувся
на зелену траву, и полумертвый горенько
стукалъ, якъ другочки лишенный голубокъ.

Въ такой тосцѣ провожалъ Миленъ
всю весело играющую, но для себе мерт-
вую весну, такъ стеньалъ цѣлое лѣто
даже до плододарящія осени; — онъ не
былъ болше на праздникахъ народныхъ,
презрѣвъ игры и веселости друзей сво-
ихъ, самъ скитался якъ самотный воробецъ

по скалахъ, презирая веселости юношества и звуки молодости. — Товарищи, а наиболее дѣвушки болѣзновали отсутствіе его, бо онъ передъ тѣмъ начальникомъ былъ веселыхъ сходовъ, а пѣсни его превышали и самаго соловья любезныя триллы.

Уже утолился жаръ солнца, уже замолчалъ высоколѣтающій жаворонокъ, уже холодна осѣнь земледѣльца достойнымъ благодарила плодомъ, уже все поле жолтая была стерень, коль печальный Миленъ къ берегу Лаборця вывелъ маленькое стадо свое, внимательно разсмотрѣлъ на противоположные береги: и сей часъ увидѣвъ привязаную къ молодой вербѣ лодочку, напрасно всторгненъ духомъ скричалъ: пойду, пойду на другую сторону; можно снайду ю; — альбо снайду ю, альбо тамъ отдамъ жизни моей цвѣтъ, где она живетъ, на тѣхъ берегахъ, где она ходитъ, где ей ноженьки згинають нахнячу траву; — я пойду — одна мысль, — а Миленъ уже якъ стрѣла въ лодочцѣ; и самъ не внималъ, коли на другой сторонѣ на бережку стоялъ.

Потрясся весь, сердце било въ грудь, и чувства умѣли, якъ бы нѣкоею силою рушень, пустился въ вербовый лѣсокъ, въ густую и изрядно чистую рощицу; видѣлъ тамъ и удивился, прекрасны поляночки, кипровыми деревцами обсаженные, прекрасны цвѣточки, около поточка маленькаго въ двухъ рядахъ художно саженоу незабудочку, фіялку, на маломъ же горбику гевъ тамъ рожевыи корчи, а между ними раскрыченную бѣлу лелію; словомъ каждая трава порядно огражденна увеселила его, якъ прекрасный рай сладости. Съ трясущимъ сердцемъ вшедь во гущаву, и се зеленый виноградный сплетокъ съ богатымъ плодомъ восторгнулъ духъ его, и вздохнувъ: О Господи! естлибъ она тутъ была, о кедъ бы я ю тутъ найшолъ, лбъ уже щастія моего вершину досягнулъ. — Но что то есть? не сей ли сплетокъ, не сіе ли мѣсто видѣлъ я въ снѣ? не такъ ли показалася она мнѣ недалеко отъ шумящаго поточка? на истѣ, я сіе мѣсто видѣлъ въ снѣ; я видѣлъ той холмикъ, видѣлъ розовый корчъ, видѣлъ бѣлую лелію, не-

винную якъ она, бѣленькую якъ еи шія ;
— но ото лишь сонъ былъ, онъ исчезъ, и
мое щастіе съ нимъ, съ нимъ пропала и
моя доля ! Въ той мысли пустился на зеле-
ный {цвѣтущій горбикъ, точилъ тоскныя
слезы, и сей часъ съ синьои модрячки, жол-
то сивои незабудки, жолтаго лотача, и зе-
ленаго бервинка удобно сплетеный вѣно-
чокъ палъ на главу его ; онъ возбужденъ
отъ сего сна, отворивъ очи, што то есть ?
и се, о — о — о радость ! — прекрасная
дѣвушка, якъ небесный Ангель стояла
предъ нимъ, въ самой невинности, якъ
самая вочеловѣчившаяся Любовь. —

Миленъ троненъ, подобно сребряныя
тополѣ листочку трясся, напрасно скочивъ,
и замороченною душею стоялъ передъ ве-
селою Любицею, нѣмый якъ камѣнь, глу-
хій, и разслабленному подобный ; тысящъ
любезныхъ словъ наразъ хотай выречи,
силился дойти къ Ангелу своему, но языкъ
и уды не служили 'му ; якъ болванъ, якъ
трупъ стоялъ, молчалъ, и стеньалъ, —
страсть чувствуя такую, якую никогда пе-
редъ тѣмъ ; только очи рѣки слезъ точаціи

говорили любовь, — его радость ужасная была ему. — Въ томъ самомъ состояніи находилася и тронена Любига, потряслася и она, замолчала, очи на землю внула, якъ закопана ни сюда ни туда рушится годна; по маломъ часѣ обернувшись бѣжати хотѣла, но едва три стопы — и уже стала, печальный взоръ вергше на ждаемаго молодца; — опять бѣжала, но Миленъ распаленъ чувствомъ еднымъ шагомъ достигъ ю, хвативъ за мягку рученьку, скричалъ: О ты истинно передо мною? Ты моя, — я снайшолъ тебе, ты мое блаженство! Такъ стояли непорочно, они любилися заимно не знавши любви, и сей часъ бросилися въ объятія другъ друга, подобно двомъ поточкамъ, кои быстрымъ стремленіемъ соединяются въ мѣстѣ; — тогда отворилися уста Милена, валится слово за словомъ, якъ отверзшуся источнику валитися звывла вода, горнувшая съ собою, что ей на дорожѣ есть. Любезная Любига! дражайшая моя, ты мой Ангелъ, моя страсть и радость! Я люблю тебе, люблю болше якъ весь свѣтъ, болше якъ стадо и все имѣніе мое,

болше якъ самага себе. — Тебе одну видѣлъ я въ жизни моей, тебе одну вижу на всякомъ мѣстѣ, съ мною ставаешь, съ мною лѣгаешь, ты моя душа, я безъ тебе мертвъ, унылый мнѣ безъ тебе свѣтъ; жаръ любви сушить сердце мое, якъ солнечный жаръ поля недоставшей росѣ; — ты роса сердца моего, я тобою живу, якъ зелена трава благою росою! Любица за-палилася, якъ сходящей зори воздухъ искрили оченька ей, несмѣлыи вознестися, не рекла слова, только вздохнула, притулившеся въ объятія любезнаго Милена.

Такъ стояли невинно радующеся любезныи молодята, якъ звыкъ братъ съ сестричкою сходшіися по давномъ отсутствіи, и по малы успокоеннымъ чувствамъ, утихла и огненная страсть сердца ихъ, тогда обое посѣдали на горбочокъ, на которомъ не давно печальный Миленъ тужилъ; Миленъ рассказывалъ свою тоску отъ перваго праздничнаго времени; говорилъ, якъ онъ ю глядалъ, якъ домогивался за ней, и якъ унылое было ему все весное и лѣтное время; — Любица

же осмѣлившая такожде сказала ему свою страсть, придавше, что и она тужила якъ друга лишенная горличка, и что отъ тогожде праздничнаго времени взоры ей непрестанно на берегахъ Миленовыхъ стороны впертыи были, что отъ онаго времени всегда только по берегахъ дѣло свое вдячнѣйше дѣлающе, туда и малое стадо свое отлучившеся отъ дружокъ своихъ заганяла, и якъ старательно украшала сію рощицу, вздохами ю холодивше, а слезами оросивше.

Такъ ревно поминали судьбу свою невинныи любовники; уже блестящїи звѣзды плавали по рѣцѣ, уже мѣсячокъ давно показался надъ горою: они таже повставали обѣщающе, что каждый день, естли имъ работа допустить, изидутся; — съ болѣзнію разлучилися: иди съ Богомъ, говорила Любица, иди съ Богомъ драгоцѣнный бѣсерку; иди и ты о имени Господнемъ, рекъ Миленъ, любезная невинна горличко, иди и думай о мнѣ въ сладкомъ снѣ. — Ишли, — но обое огляншеся, съ нову бѣжали въ обятїя себѣ, — иди серденько, рекла Лю-

бица, и подала прощательну рученьку Милену, и не запомни утромъ, естли можно ти и отецъ твой соизволить, поглянути мою рощицю; Миленъ стиснувъ мягкую ручку, безмолвенъ прощался, любезный взоръ вергше на оставшую красоту, тогда разлучилися. Любица загнала стадо малое, Миленъ же бѣжалъ въ лодочку, переплывъ рѣку; — и тогда первый разъ весело задулъ фуюру, отъ весеннаго праздника занѣмѣвшую. Теперъ Миленъ якъ бы новорожденъ съ нову веселую добылъ дяку, онъ спѣвалъ, свисталъ, игралъ, фуюра его никогда спочивала, онъ уже посѣтилъ забвенныхъ товарищей своихъ, и смѣло сказалъ, что онъ щастливъ, что невинна и прекрасна Любица для него родилася; но всегда, пришедшу вечеру, препоручивъ стадо свое другу своему, самъ скоро скоренько бѣжалъ на другую сторону, где его любезна дѣвушка съ новымъ вѣночкомъ, и полною горстію рябыхъ цвѣточковъ невинно привитала.

Что больше сходилися заимно, то довольнѣйшіи были сладкою жизнію; часто

сказалъ Миленъ якъ онъ влюбленъ, и что жизнь его безъ Любицы пустая была бы ему, якъ день безъ солнца, якъ ночь безъ мѣсячка; то само повторила и Любица, сказавше: что безъ Милена такъ жити не можно, якъ животному безъ воздуха, якъ рыбѣ безъ воды. Много разъ пѣсни перенимали, коль Любица спѣвала, Миленъ на колѣна ей склонивъ голову, увеселялся, и видѣлося 'му, что и самъ соловѣй пріемнѣйше не можетъ щебетати; а коль Миленъ на фуюрѣ игралъ, Любица внимательно сплетше вѣночокъ, на голову ему сложила, рекше, что и гласный косъ не перевышаетъ его милый голосокъ.

Единъ разъ посѣтивше Любицу Миленъ, ей на поли пойманную горличку принесъ въ подарокъ; Любица радостно пріяла дарокъ, поймавше любовну птичку за ноженьки видѣла, якъ непокойно трепочетъ крыльцами, щебочетъ, якъ бы дакого на помощь звала; — Любица съ жалостнымъ чувствомъ смотритъ непокойную плѣницу: — што ти миленька горличко? ты свободы желаешь? — кого зовешь? за кимъ

тужишь? о наистѣ ты за другочкомъ тоскуешь; о Миленѣ! смотри, якъ она страстная! позволи, да пущу ю; тогда растворше перстишки, и птичка сей часъ щебетаючи отлетѣла на вѣтви, и далѣй искати содружка своего. Любница на той видъ печальная стала, склонивше головку на Миленовы плеча, въ слезахъ рекла: О Миленѣ! чтобы я чинила, естлибѣ и я такъ тебе стратила? О Господи! я бы болше не жила, ябѣ сей часъ лишилася жизни! — Миленѣ! я безъ тебе жити не могу. То самое чувствовалъ и оскорбленный Миленѣ, и придулился къ слезящей дѣвушкѣ. —

Минувшу въ такъ сладкомъ и благомъ согласіи должайшему времени, обое щастливиі были! Миленѣ каждый день поѣщаль Любницу, онаже всегда новымъ занимала его веселіемъ. Случилося еденѣ кратъ, что Миленѣ во обычный часъ пришедше, не найшолъ любезну дѣвушку въ рощицѣ; непокойно ждалъ ю, и она не приходитъ; вызираетъ, идетъ ей въ стрѣчу, и дѣвушки не есть, всходитъ на высокаго бука, — не видно дѣвушки. —

О Господи! что сталося? ачей она больна? ачей головка ю болить? или что сталося? О я иду, иду, посмотрю ю! и въ томъ степеніи вырѣзалъ на етомъ бучку имя любезной, вырѣзалъ и свое, и оба вѣнчкомъ незабудковымъ окружилъ, и благословилъ ихъ рекше: расти, разширайся бучку зеленый, расти чрезъ вѣки, и съ тобой да растутъ имена и чистая наша любовь! Посему зажурень вергся на горбикъ подъ розовый корнь, рученьками Любичима засаженный, и стеньялъ; — и се предъ нимъ Любица побуреными и расплетеными волосами, заплаканными оченьками, безъ вѣнчка на головѣ, безъ косицѣ на персехъ, сполошена якъ молода серна гонившу ю ловцю. — О небо! скочилъ троненый Миленъ, что тобѣ голубочко моя? кто тебе оскорбляетъ? скажи, иду и помщуся, сражуся и съ самимъ великаномъ; Любица отворила плачущій ротикъ, но слово умѣло, не могла промовити, только слезы тучею ліялися изъ чорныхъ очей! Молю тя небомъ, скажи вину болѣзни любезна, скричалъ Миленъ, и отеръ ли-

цемъ своимъ драгоцѣнныи слезы падаючіи изъ очей Любицы. — О Миленъ, любезный пріятелю, солодкій друже! мене селять, — о Миленъ! мене нудить мамушка другаго любити; — мене мамушка уже обручила Лукану, богатому на сей сторонѣ ватагови; и замолчала, оченька предникомъ покрыла, горко тоскуя. Миленъ ужасно устранился, емъ дѣвушку за руку; — такъ есть, продолжала Любица, Луканъ сильный и богатый, стада его пространно пасутся по горахъ и долинахъ, онъ лукавый Луканъ прелестилъ мамушку мою, и обманулъ ю, а она желающая моего щастія мене обѣщала ему; сіе вырекше впала въ притулъ пораженнаго юношенька. — — Но нѣтъ! Миленъ, я на сіе не склонюся, паду къ ногамъ любезной матери, цѣловати буду колѣна ей, и умолю, умягчу душу ей, и она отстанетъ отъ сего намѣренія, она мудра, она благосклонна, она любезна мамушка.

О здѣлай тое любезна, говорилъ Миленъ, здѣлай, я чаю склоненія ей, она не будетъ противна нашему сочетанію. —

Я любезный друже все сдѣлаю, я готова и безъ согласія мамушки тебе слѣдовати, я Луканова не буду, хотяй бы онъ и царскимъ владѣль стадомъ; — я не послухаю мамушку, и не есть силы, чтобъ она мя отъ тебе оттягла, я съ тобой иду. — И что ты сказала? скоро перервалъ слово Миленъ, что ты сказала? ты не подумала, ты безъ разсужденія слѣпыми чувствами везешся. Нѣтъ любезная! сіе случится не можетъ, ты повинна мамушку слухати, твоя повинность, стару мамушку подкрѣпляти, ей суду подвергшеся волю ей исполнити; любезна, мы хотимъ сочетатися въ бракъ, мы хотимъ въ заимной любвѣ новое составить общество, и желаемъ блаженства; но узнай, что благословеніе Господне споеется съ благословеніемъ родителей. — О любезна, не противися материному желанію, да не отиметь отъ тебе благословеніе и не изречетъ, хотяй не нарокомъ клятву на тебе; бо тогда унылое будетъ наше сочетаніе, и наша жизнь будетъ блудъ, будетъ грѣхъ и мерзость. Но послухай, иди, моли мамушку, склони сердце

ей, и проси отъ ней благословенія. — О Миленъ! отвѣщала Любидца, я повиновавшаяся матери несчастна буду, а непослушна такожде несчастна; о Миленъ! я таже на всякій случай несчастна! Мамочку обмантилъ лукавый Луканъ, ю богатство прелестило: она думаетъ, что въ множествѣ стада и имѣній залежитъ щастіе, она блескомъ обманута, непременно Лукана желаетъ зять; Миленъ! я на всякій случай несчастна, — и тогда горко заплакала. — Не огорчай состояніе твое любезна напраснымъ судомъ, судьба наша у Господа. — Ты повинуйся волѣ матери твоей, бо Богъ непослушныя дѣти наказуетъ, чти мать твою, буди послушна повелѣніямъ ей, Господь помилуетъ тя, и воздастъ ти благодать за послушаніе, буди послушна якъ Ісаакъ отцу своему; и естли такая наша судьба, что мы соизволеніемъ матери твоей едно бѣти не можемъ, тогда прощай любезна, забудь мене, я отиду отъ туду въ далеки стороны, пойду на конецъ свѣта, пойду въ пустыню, скрыюся въ скалы, и якъ набожный пустынникъ буду

вздохати къ Господу о щастливой твоей участи. — Але драгая, пойдѣ къ матери, моли ю, и проси о благосклонности; — пойду и я, буду ю умоляти, просити, и чаю потѣху отъ ней; бо она твоя мамушка, она немилостива быти не можетъ. — О не сердися друже, сказала Любица; — я чувствомъ тронена изрекла пустое слово; я иду къ мамушкѣ, иду, она добра, она склонна будетъ на мое желаніе. Такъ тѣшился заимною надеждою, и солнце склонилось; они разлучилися.

Милень ужасными мыслями отяженъ ступилъ въ обытя отца своего Богдана, цѣлую ночь сражался съ тяжкими сонными видѣніями, непокойно ожидалъ утра, которое ему щастіе или вѣчную принесетъ пагубу. — Пришедшу утра, вывелъ стадо на береги рѣки, на зеленую стерню, вручивъ его другу своему Братолюбѣ, самъ съ ужаснымъ попеченіемъ переплылъ на другую сторону, где уже его веселымъ видомъ и смѣющимъ ротикомъ прекрасна ожидала Любица; наречно летѣла ему въ обятія, и сказала: Милень! мы щастливыи, мамушка

склонила на мою тоску, она изволила, чтобъ я по моему сердцу супруга избрала, приложивше что тогда совершенну волю изявить, коль тебе сама увидить, и познаетъ лично; бо молода дѣвица, — говорила — любовію и внѣшнимъ тронена блескомъ часто обманутися можетъ; она не рассуждаетъ, слѣпою склонностію ведена бѣжитъ несчастна, якъ рыба на удицю, и на послѣдъ главатости своей жертва останется, цѣлую тоскуя жизнь, и проклиная первый персъ своихъ огонь, которымъ вѣкъ свой спалила. Я сказала мамушкѣ, что ты благочестивъ и добродѣтельный, и что ей на истѣ до дяки впадешь; она засмѣялася и обѣщала свое благословеніе, естли тебе достойнымъ на сіе увидить. — Теперь Миленъ! приди со мною, и покажи нравы твои матери моей, дасть Господь не по долгомъ времени и твоей. Та уже мамушка твоя знаетъ о нашей склонности? — но я еще отцу моему о тебѣ не сказалъ; — учини милость Любиценько, прѣди сей часъ къ старому отцу моему, чтобъ онъ видѣлъ щастіе мое, и бла-

гословилъ насъ; онъ благосклоненъ будетъ, ты ему полюбишся; приди любезна, не далеко тамъ подъ горою хижица наша. Любница склонилася на жадость юноши, — бо что не соизволить любовію плѣнена дѣвушка? — И поспѣшно нарвала цвѣточки, сплела нову парту, умыла чистою поточка водою прекрасное личенько, и сей часъ готово убрана якъ Ангеликъ стояла передъ любезнымъ, готова на вся желанія его. Хитро таже позбегались; руки подавше собѣ летѣли якъ мысль къ берегу, разомъ скочили въ лодочку, и ледва сколько минутъ, они уже на маленькомъ дворикѣ. — Остань, пождай немножко любезна, я самъ войду къ отцу, и приготовлю его на твой пріемъ; Любница осталась подъ зеленою плодомъ важною грушкою. Миленъ тихо вошелъ въ колибу, ставъ предъ сѣдымъ родителемъ, порумянѣвъ, спустилъ очи на землю. — Что такое сыне, что ти дѣтино? якого нещастія вѣститель приходишь ты? говори смѣло сыне. — Миленъ приблизился, поялъ за руку стараго, и поцѣловавъ ю отворилъ ротъ, но слово на языкѣ спер-

лося — онъ замолкъ. — Что ти дѣтино? —
 спроси старикъ, и Миленъ сражающеся
 чувствами началъ: Няню солодкій, я лю-
 блю одну дѣвушку, и сей часъ съ нову за-
 нѣмѣлъ; — прошу о соизволеніи, — по-
 зволи лучшую, достойнѣйшую и нравнѣй-
 шую свѣта сего дѣвицу пріяти за невѣсту!
 — Посмотривъ острожно старый Богданъ
 единого сына своего, и съ достояніемъ
 рекъ: Естьли ты красотою и блескомъ
 внѣшнимъ не обманутый сыне мой, естьли
 избранна тобою дѣвушка богобойна и по-
 божна есть, тогда щастливый будешь, бо
 Господь благословеніе токмо любящимъ
 его и добронравнымъ даетъ. — Няню лю-
 безный, отвѣщаль радостно Миленъ; я не
 обманутый красотою ни пустымъ блескомъ;
 дѣвушка моя, хотяи и весь женскій полъ
 перевышаетъ красотами и нѣжностію, но
 при томъ богобойнѣйша, честнѣйша, бла-
 гонравнѣйша есть всѣхъ дружекъ своихъ,
 она достойнѣйша твоею быти невѣстою;
 — сія рекъ вышолъ зъ хижинны, и подъ
 минутою Любица стояла передъ стари-
 комъ, Миленомъ введена.

Любица старому дивною показала, и естлибъ ей крыла не отсутствовали, думати повиненъ былъ бы, что Ангелъ съ неба присутствуетъ ему; она тронена спустила очењка, личка ей спламенѣли, головка въ землю, внуренна, не смѣла и взоръ единъ вперти на старого, и уже стыдилася сама себе. Милень то на отца смотрѣлъ и радовался, что онъ внимательно витаетъ свою дѣвушку, то весело на дѣвушку глянувшѣ, распался сердцемъ; на послѣдъ взялъ ю за рученьку: прійди любезна дѣвице, поцѣлуй руку лучшаго на свѣтѣ отца; Любица нѣмо поцѣловала старикову руку.

Старый Богданъ якъ очаренный не могъ очи отклонити отъ прекрасныя дѣвушки, и самъ незная, чому якуюсь велику склонность чувствуетъ къ прелюбезной дѣтинѣ; и наремно скричалъ: О Господи! въ образѣ, въ сѣхъ очахъ, въ семъ честномъ челѣ я познаваю, я ображаю любезнаго моего друга. — Дѣвице скажи, ты Драгомірова дщерь? — бо образъ сей есть его любезный образъ, въ молодости

моего драгоцѣннаго друга! скажи любезна, кто есть отецъ твой? Мой отецъ сказала жалостно Любица, былъ Драгомѣръ, но я его не зпознала, мене мамка еще подъ серденькомъ носила, коли онъ преставился. Мати моя каждый день на гробъ его плакала, и тамъ мене въ болести сердца породила.

Тогда потрясся тѣломъ и душою старый Богданъ, заключилъ въ обятія дражайшаго друга своего дѣвушку, и горенько заплакалъ: дѣтино! ты Драгомѣрова дщерь, ты честнѣйшаго, блаженѣйшаго, и набожнѣйшаго человѣка, дражайшаго товариша моего дѣтина; онъ уже съ Богомъ почиваетъ, а я тужу за нимъ; онъ не былъ богатый, но порядный человѣкъ, и прото его Господь всегда благословилъ, не малъ онъ врага, не завидѣлъ ему никто, бо онъ никогда не отпустилъ убогаго безъ помощи, безъ потѣхи. — Дѣвушко, а ты теперь изволила моею быти невѣстою? я обновляюся въ твоємъ согласіи, тебе люблю болше якъ всѣ дѣвушки, бо знаю, что ты образъ отца твоего носяще изобилно и

нравовъ его наслѣдница еси. Господь да благословить тя, да благословить васъ въ купѣ, и подасть вамъ долгоденствіе.

Миленъ горѣвъ отъ радости, выбѣгъ приготовить дражайшей своей ужину; наполнилъ кошички яблоками, грушками, сливами, боросквами, и виноградами, положилъ на столъ молодого масла, сыра, меду, и бѣлый якъ снѣгъ хлѣбъ; — такъ гостилъ миленьку, и естлибъ могъ былъ, и сердце свое положилъ бы ей на гостину; поялъ румяное яблочко, давалъ миленькой съ словами: то такъ румяное якъ твое личко было, коли я тебе первый разъ увидѣлъ. — Весело угощались любовники, и уже соненько послѣдними сіяло за горы лучами; Любница извѣстила, что ей нужно отити; отбралася, прощалася съ старикомъ, и отишла на обятіяхъ Милена, который ю весело ажъ къ хижицѣ ей отпровадилъ; — обѣщая, что утромъ посѣтитъ ю, и любезну мамушку ей благочестивую, и отъ всѣхъ почтенную Власту, и ей свою склонность изявить постоянно.

Прощався съ Любицею Миленъ, съ веселымъ намѣреніемъ утраго посѣщенія, въ сладкой радости повернулъ, вшедъ въ лодочку, взявъ весло, и невнимавше на прибытіе воды, въ чувственномъ забытіи плавалъ на свою сторону; напрасно же обачивъ, что лодочка его мечется по валахъ, и въ самой серединѣ рѣки къ одной скалѣ такъ трѣснула, же и весло маленькое переломилося; тогда ухватили валы лодочку, и несли ю въ долину якъ вѣторъ; устрашился Миленъ, ратовати хотѣлъ, но уже не было можно; во отчаяніи несенъ волнами кричалъ, просилъ помощи, но бывшей нощи никто не слышалъ вопль его; онъ таже знаменаяся святымъ крестомъ, поручилъ Вседержителю судьбу свою; между страхомъ и надеждою летѣлъ по серединѣ валовъ! откуда прибыла вода незная, не видѣлъ, что чрезъ время прогулки его на Бескидѣ ужасный дождь лілся; — видѣлъ гевъ тамъ блистящійся по берегамъ огники, кричалъ, но рыкъ воды не допустилъ голосъ къ огневи; напослѣдъ увидѣвъ яснѣйшій блескъ, лодочка его

просто къ нему смагалася; и сей часъ приближилися помощницы, кваками желѣзными лодочку его привлекая, взяли его на свой корабчокъ, и вывели на сухій берегъ, просили до хижицѣ, на которой стѣнахъ мрежи сушилися; онъ вшедъ, благодаривъ ихъ, помолился Господу о спасеніи своемъ. Рыбари, — сіи бо были въ корабщичку — благодарили также Господу, давшему имъ милость сей день двѣ особы спасти. Единъ рыбарь сей часъ послужилъ своимъ гостямъ глѣбомъ и овощами, другіи же доселѣ приготовилъ рыбу, на угощеніе приходниковъ своихъ. Бо знати нужно, что рыбари, кромѣ Милена, той вечеръ честнаго едного старика выслободили отъ утопленія, и той былъ помянутый другій гость.

Рыбарь оставшій забавлялъ гостей своихъ, и не забавкомъ другій приготовленную принесъ рыбу, и всѣ весело вечеряли; — домашніи спросили гостей о ихъ участи, и первый Миленъ сказалъ ужасный свой случай; посему же вопрошенъ старикъ, вздохнувъ отеръ слезы, такъ началъ

говорити: — Я братья любезныи житель,
и гражданинъ великаго города К
именемъ Раданъ, былъ Сенаторомъ, бол-
ше разъ и начальникомъ гражданскимъ,
но о жалю, начальники града того потупив-
ше заповѣдь Божую, нечестивымъ путемъ
пустилися, примѣромъ лукавымъ бывше,
нравы согражданъ своихъ погубили, они
про малый и худый добытокъ, про дары,
мамону, и про дочасное имѣніе, мѣсто пра-
восудія неправду, окламство возвышили,
— тамъ про свойственную ползу грѣхъ
похвалою, безчестъ честію, злодѣйство
добродѣтелію сталося, благочестивіи гоне-
ніями пренаслѣдовалися, а нечестивіи лест-
ники, ласкателіе, найпачеже сродники не-
честивыхъ начальниковъ, воры и злодѣи въ
степени превозношались, народъ заслѣп-
ленный тѣми прелщенъ не видѣлъ свою
пагубу! Я видѣвъ неправедность проти-
ворекъ, неправедному суду противился,
я законъ защищаль, и они мене прото
ненавидѣли, напустили противо мене на-
родъ, мою невинность потоптавшѣ, на
конецъ изгнали во заточеніе. О Господи

ты праведенъ еси, не помни беззаконіе ихъ, и натхни ихъ духомъ святымъ, чтобъ имѣющіи очи видѣли, и лишился беззаконія.

Сія сказавъ старецъ, густый вздохъ высыпался изъ его грудей. Дивительно слышали его невинныи рыбари, чудящеся, что могутъ быти люде невинности гонителіе, и неправды защитителіе. — Такъ между пріязнымъ разговоромъ отдалися на покой, и твердо заснули.

Миленъ не зажмурилъ ока; онъ печальный изображалъ тужбу отца своего, и еще болше тоску Любицы, коль пришедшу утру не посѣтитъ, и съ тѣмъ въ смятеніе и безпорядокъ приведетъ ю.

Лишь что денничка золотыи разляла лучи, уже поставали всѣ. Старый взялъ свою палицу, вѣрную въ путешествіи супругу, объемъ обоихъ рыбарей: Богъ Господь и защититель добра отплатитъ вамъ добродѣтель; прощался съ ними, прощался и Миленъ, и пустился въ товариствѣ старика на путь; тихимъ шагомъ ишли, и коль старикъ утрудился, посѣдали оба спочивати;

— пришедшу жару полудневному, Миленъ завелъ старушка въ зеленую тѣнь, ишолъ для него овощей зберати; и снову провождали путешествіе; и коль уже соненько заходило, радостно показовалъ старушкови Миленъ любезнаго отца своего домичокъ, котораго коминъ уже съ далеки показывался. —

Тамъ въ смятеніи журился теперь старый Богданъ, тоскуя горенько о сынѣ, трясся, что сынови его нещастіе случилось; но услышавъ звукъ развеселился, и се Миленъ уже въ обятіяхъ его; — сказалъ ему сынъ нещастный случай, и сопутешественника своего участь, поцѣловалъ любезнаго отца. — Богданъ слышавъ стараго судьбу, любезно привиталъ его, и рекъ: честный чужестранецъ! съ радостію подѣлю съ тобою, что мнѣ Господь далъ, мое обыстя да будетъ и твоимъ обыстіемъ; съ тѣмъ посадилъ стараго на мягкій столецъ, отложивъ его палицу и просилъ, чтобъ спочивалъ съ миромъ.

Удивившеся старый Раданъ, въ избыліи сердца воскликнулъ: о Господи! ко-

лико челоѡколюбїа нахожу я тутъ, истина, праведность и благочестїе тутъ пребываетъ, тутъ нахожу я простую въ природѣ невинность, тутъ не токмо слышу, но и вижу гласъ божественнаго Евангелїа, что въ пышныхъ градахъ не найти; — братья! я троненъ вашею невинностїю, я вамъ служить буду, я отъ васъ не удалюся. — Упокойся любезный друже, отѡщаль Богданъ, у насъ все общее есть, ты сострадательность надъ несчастнымъ великою называешь благодатїю; у насъ то повинностїю называется, и свирѣпїй звѣрь, кто не помилуетъ несчастнаго; бо прошто даетъ Господь землѣ моей плодъ? прошто защищаетъ Вседержитель худобу мою? ачей прошто, чтобъ самъ уживалъ божое благословенїе? нѣтъ брате, мы всѣ одного отца дѣти, мы братья, мы повинни ратоватися заимно! Между тѣмъ Миленъ уготовивъ брашно, и худою ужиною покрѣпилися, и прїялъ ихъ сладкїй сонъ въ обятїа. — Миленъ въ снѣ видѣлъ Любицу ужасно плачущую, и о несчастїи нарѣкающую, и такъ разжалился, что потъ обліялъ все тѣло его.

Зѣло рано гласили уже трубы, фуяры и свѣрѣли пастуховъ по лазурномъ воздуху; Миленъ взявъ свою гласную фуяру, и выпустивъ стадо, бѣжалъ къ берегу вруčiti его Братолюбѣ; спѣшно переплывъ, сталъ въ любезной рощицѣ, глядаючи любезную, кричалъ, кликалъ, и не обозывается; где ты любезна? долго задержуешь займну радость нашу, и непокойно лѣгъ къ студнику, где много разъ въ обятіяхъ любезной спочивалъ, ждалъ уныло, и еще такъ долгое время не было ему.

Раданъ въ обятіяхъ Богдана вышолъ привитати святую природу, и возбужденъ чувствами веселился первымъ лучамъ денницы, которыи онъ въ градѣ не видѣлъ передъ тѣмъ. О прекрасна природа воскликнулъ, якъ ты прекрасна въ твоей невинной святости, поздравляю васъ зеленыи холмы и долины, васъ шумящіи поточки, и васъ невинно щебетающіи птичатка, ваше пѣніе превышаетъ звуки всякаго музыкальнаго рода; — о я чувствую тайное вліяніе природы, она разпростираетъ окрестъ мене воздухъ невинности, и рос-

кошнаго пріятства, безвѣстный огонь воз-
гаряется въ сердцѣ моемъ, онъ распро-
страняется по всему моему составу. Сла-
достное состояніе! все мене плѣняетъ, все
мнѣ приноситъ удовольствіе, все приводитъ
въ удивленіе, все представляетъ мыслямъ
моимъ свободу, и блаженство; оковы обре-
менявшіи мене исчезли, сердце упоенно
сладоствію; изъ очей ліются чувствительныя
слезы радости! — Всѣ существа наслажда-
ются здѣсь спокойствіемъ, и щастіемъ!
невинныя селяне! вы вкушаете спокойно
пріятности свободы, ношъ приосѣняетъ
васъ благотворными тѣнями своими для со-
храненія отъ человѣческой жестокости;
а въ градахъ? — о скоро увидитъ чело-
вѣкъ день, и въ мѣстѣ съ онимъ узритъ
мучителя своего; — о тутъ люде жи-
вуть, а въ градѣхъ безчувствительніи звѣ-
ріе! благотворный сонъ царствуетъ въ
хижинѣ токмо земледѣльца и пастуха, ни
пронзительный гласъ злодѣйства, ни ужас-
ныя чудовища ненависти, вѣроломства, или
мщенія, ни суетныя происки жадности, и
самолюбія, окламства и скупости никогда

туть не прерываютъ онаго, съ нимъ неотмѣнно обитають невинность, и спокойствіе. Когда тутъ сладкая тишина поконтсѣ, тогда въ пышныхъ градахъ злодѣйство владычествующее изощряетъ стрѣлы свои, приготовляетъ пагубный ядъ, и назначаетъ себѣ жертвы, словомъ въ градахъ тѣсный есть человѣку свѣтъ; человѣкъ человѣку змій, врагъ и волкъ; а тутъ распростертая каждому земля, тутъ друзья, тутъ братія; — о я презираю васъ пустыни грады, я тутъ успокоюся; брате, я съ тобой жити и умерати желаю, бо душа твоя пріемлетъ чувствованія смѣшанныя безъ живости, и безъ нѣжности! — Такъ говорилъ Раданъ, радость и веселіе объяснили честныи его взоры, обнялъ благочестиваго Богдана, и малымъ шагомъ ишли оба въ общій уже домичокъ. —

Но что чинить бѣдный Миленъ? — Онъ вшелъ во рощицу, Любицу не нашолъ тамъ; разсмотрѣвъ, и о страхъ, имена ихъ стерты изъ кожи бука, где ихъ Миленъ врѣзалъ; о Господи! скричалъ, не да какое ли нещастіе случилось тутъ? о лишь

бы Любницѣ не сталося дашто! но чому ей нѣтъ здѣ? Миленѣ разсуждалъ, не могъ похопити ужасный случай; между тѣмъ слышалъ шумъ въ корчѣ, радостно скочивъ, о тутъ есть она; — но мѣсто любезной предсталъ ему смѣющійся Луканъ, вопрошалъ его: что ты искаешь тутъ Миленѣ? Любницу ждаешь? О брате! я сожалѣю ти, всеу ждаешь ю, — она уже не твоя, она тебе болше не любить, сама склонилася мнѣ, сама подала мнѣ ручку, понравилось ей ся мое стадо, она богата желаетъ быти; она вчера тутъ была, власною рукою стерла изъ бука имена, отреклася тебе говоря: такъ да исчезнетъ первый мой неразсудный огонь, такъ да сотрется наша дурная любовь, якъ стирается кожа сія изъ очареннаго бучка; ненавижу мой первый составъ, теперъ стираю его память изъ моего сердца; — тогда впала въ мои обятія, рекла: я твоя съ тѣломъ и душею, не желаю болше видѣти иностраннаго Милена; я сожалѣю ти брате, но что дѣлати? она свободна собою, она уже моя. —

Миленъ якъ громомъ пораженный впалъ на землю, умлѣвалъ, безчувственъ сражался собою, и умеравшему подобный воздвигъ очи: О ты вѣроломнице! где твои сладкія слова, где обѣщанія, где присяга? — Я божуся небомъ, я тебе люблю хотяй и невѣрну, божуся, клянуся небомъ и землею, что никогда болше не посмотрю ни на одну дѣвицу, лишь тебе тоскуя, тебе любить буду, хоть взоръ твой болше не узрю. Сія не говоривъ но плакавъ, вергся на землю, и тяжкій вздохъ выразивъ, безмолвенъ смотрилъ на такъ прелестное мѣсто.

Луканъ свидѣтель былъ его тяжести, поднялъ его съ словами: брате, сожалью ти искренно, — но прошу не убогай твой жаль сѣми мѣстами, иди съ миромъ, я тя перевезу на другую сторону, — тамъ найдешь щастіе твое, тамъ найдешь вѣрнѣйшую дѣвицу; забудь, прокляни мѣсто сіе, и никогда не вернися на вѣроломства мѣсто, где токмо печалишь сердце твое. — Такъ поялъ его за руку, посадилъ въ лодочку, и перевезъ на дру-

гую сторону рѣки, и посмѣялся, оставивъ его безчувственна. —

Миленъ замороченъ, якъ изъ тяжкаго сна пробудившійся, не понялъ, что ему случилось; — сердце 'му было страшно, и вздохи силою двигались съ трясущихся грудей; но по маломъ времени престали слезы, упокоилися перси, простерся на земли; ахъ невѣрна! сказалъ, сломила вѣру, о якъ краткое было мое щастіе! якъ печальна была недавно еще, коль мати ю Лукану обѣщала. — О волѣлъ я умерти прежде, нежели ю первый разъ видѣлъ подъ широкою липою, коли первый разъ упала она въ мои объятія; о несчастный день, коль я ю видѣлъ, и еще несчастлившій, который мене до ей рощицѣ привелъ; о невѣрна! ты вѣрнѣйшее сердце съ стадомъ перемѣнити годна; — но упокоюся, — что даремно плакати буду невѣрную; я потуплю тя, я презрю твое имѣніе, презрю тебе, и лукаваго твоего Лукана; — буди, о буди щастлива, забуди мене, естли можешь; моя радость будетъ, естли твой грѣхъ непремѣнно въ слѣдахъ твоихъ бу-

дѣтъ. — Такъ полный жалостію прибу-
дился, и болше слова о невѣрной не вы-
разилъ. —

Не увеселило болше печальнаго Ми-
лена веселое друговъ пѣніе, онъ съ нову
по прежнихъ блудныхъ унылыхъ берегахъ,
самотный въ темномъ омраченіи скитался,
и хотѣй потупилъ недостойную любви
окламницу, однакоже невѣрной вѣролом-
ницы прелестный образъ выразити не могъ
изъ тяжкихъ мыслей своихъ; часто вы-
шолъ на высокіи берети, и оттуду непре-
станно смотрилъ на несчастную сторону,
где его покой погребенный есть; но все-
гда еще болше опечаленъ, бо всегда лишь
Луканово стадо видѣлъ по зеленыхъ ши-
рокихъ лугахъ; ахъ несчастное стадо! го-
ворилъ, ты отъяло, ты ухитило мою
жизнь, ты вина моей несносной печали!
Такъ скитался три дни, не вкусилъ хлѣба,
ни воды пилъ, и уже отчаянному подоб-
ный самъ не видѣлъ, что дѣлаетъ. — Че-
твертаго дня раненько напрасно вырвался.
— Пойду скричалъ, пойду въ зеленую ей
рощицу, отдамъ долгъ природѣ, и на томъ

мѣстѣ отдамъ духъ, где первую жизнь чувствовалъ, где во обятіяхъ ея жизнь мнѣ. солодка была; тамъ умру, тамъ отдамъ любовь въ жертву невѣрности.

Ишолъ, и уже при студничку стоялъ, подъ букомъ тѣнистымъ, где первую завязалъ любовь. — Тутъ, о тутъ выплачу мою душу, — тутъ можно погребетъ тѣло мое нѣкто, тутъ буде ся блукати постоянный мой духъ. — О любезна фуюро послѣдній разъ оголосися, где весело играюще слышала она тебе, тутъ послѣдній задуй жаль; — приѣмъ фуюру, и запѣлъ жалостнымъ голосомъ :

Тяжкій жаль на сердцѣ моемъ
Творитъ мнѣ отходъ твой;
Вѣроломна! непокоемъ
Пражу духъ, и взоръ мой;

Стову, сохну, засѣдаю,
И уже не обрѣтаю
Твой взоръ гладкій,
Твой видъ сладкій,
И образъ прекрасный.

Оставилась я жаждуща
 Любве твоей! — о жаль!
 Потунилась рыдающа;
 О неслосна печаль!

О невѣрна! — сердце мое
 Болесное, и страстное
 Повражила,
 Низчезила,
 Ты на вѣкъ поранила.

О помни еще на мене,
 Любезная моя,
 Повернися, глянь на мене,
 Еще я люблю тя;

Возврати ми хотъ сонъ краткій,
 Возврати мнѣ покой сладкій,
 Ты Ангелъ мой,
 Хранитель мой,
 Помни мой непокой!

Тебе Луканъ, — о лукавый,
 Богатствомъ обманнлъ,
 Тебе блескъ суетъ безславный!
 Напрасно очарилъ:

И ты клятву преступила,
 Вѣрно сердце потупила,
 Вѣроломна,
 О безбожна,
 Мою грудь погубила.

Не клянущи, — будь счастлива
 Въ объятіяхъ Лукана,
 Только молю — памятлива
 Буди и на Милена;

Я покойно на мѣстѣ томъ,
 Где ты присягала небу,
 Отдамъ мой духъ,
 И онъ округъ
 Твоей долѣ избудетъ! —

Милень такъ жалостно спѣвалъ, повторялъ гласомъ фуяры своеякаждый стихъ; и се растворился розовый корчъ; онъ подвигъ оченъка, и се, о небо! Любица предъ нимъ, съ блядымъ образомъ, печальнымъ видомъ, и слезными оченъками! — Что ты тутъ дѣлаешь жестокий звѣрю? рекла ему, еслилибъ была я знала твое присутствіе, не беспокоила бы твою прогулку; — обернувшись отити хотѣла. — И ты тяготишь жестокая, что еще разъ подолжаешь видѣти несчастнаго, отвѣщаль Милень, и хватилъ ю за руку; Любица отвратила лице, чтобъ слезы утаила; рука же ей горѣла, и тряслася якъ осика. Что? ты плачешь? ты невѣрна! Любица омочена слезами, трясущими глазами посматривше, видѣти, что и онъ плаче: ахъ невѣрный и ты плачешь? ревла; о плачи, плачи вѣроломный, зри фамнивый обманщику тое сердце пораненое, которое про тебе несчастливое будетъ во вѣки; да будетъ слава твоя, что ты новыну и легковѣрующую дѣвицу прелестити, и обманити могъ; — о ты мене на вѣки оскорбилъ, я тобою

на вѣки несчастна; тогда ручками покрывала отъ слезныхъ токовъ мокрое личко, и въ великости скорби впала во объятія движущагося Милена. Онъ трепетомъ притуплялъ ю къ собѣ: о любезна вѣроломничко, ты уже плачешь! о ачей слезы жалости, ачей скорбишь о грѣсѣхъ невѣрности; пожалуй любезна, навернися къ моему страстному сердцу, помилуй тебѣ всегда вѣрнѣйшаго, для тебе самой живущаго смертнаго. — Любица вперше очи на держащаго ю Милена: что? ты обвиняешь мене вѣроломствомъ? а ты самъ невѣрный! Кто? я невѣрный? обозвалъ Милена, я невѣрный? о скари мене Боже, естьли я перемѣнилъ хоть крошеченьку огня любви; дѣвушка, я терплю муку несповѣдливую, я лишуся жизни, я рассыплюся отъ печали, естьли ты не отстанешь отъ твоего напѣренія; — дѣвушка! я малое стадо маю, но великое сердце, моя любовь превъшаетъ стороазъ Луканово стадо; — дѣвушка! ты съ Луканомъ не будешь, о не будешь щастлива! — навернися вспять, бо ты для мене, а я для тебе рожденъ;

остави лукаваго Лукана, съ мною щастливѣйша будешь! Чудесный человѣче, что говоришь? я Луканова? нѣтъ, нѣтъ, богме нѣтъ; я Лукана не терплю, я постарѣю сѣдою партою, я умру, а я Луканова не буду; онъ злочестивый; онъ мене обманывалъ, онъ сказалъ, что ты мнѣ невѣрный, что тебѣ другой стороны дѣвушка понравилась, что ты стеръ имя мое, и проклялъ его, что ты мене презираешь, и будешь во вѣки презирати. Тебѣ Луканъ то сказалъ? напалъ Миленъ, о лукавый врагъ, о змій прародителей обманившій; онъ мнѣ побожился, что ты мене презираешь, что ты склонилась великому его стаду, имя мое стерла и проклинала; — Любиче, любезна Любиче! мы обманути, Любиче прощай, я погрѣшилъ легкомысленно увѣривъ фалшивому Лукану; — тогда впавъ въ обятія любезной, держалъ ю съ трепетомъ въ притулѣ, бояся, чтобъ она съ нову не уйшла волшебною снлою; такожде и Любича восхищенна радостію перепрошевала любезнаго, стыдящеся, что о постояннѣи его сомнѣваться смѣла.

Теперь просилася Любига, для якія вины Миленъ обѣщаннымъ утромъ не пришолъ? — Миленъ расповѣлъ ей ужасный случай, приключившійся ему при возвращеніи; Любига слышавше сіе лишь что не замѣла, мягкое серденько ей трепетало, и вылудило изъ очей тучу слезъ; посемъ впала на колѣна, вперше на небо очи, благодарила Господу, что Милена ей въ нуждѣ содержалъ, щиро моляся о друголюбныхъ рыбарехъ, спасшихъ дражайшаго своего Милена. Посемъ извѣстила Любига, яко она увѣдомила мамушку свою о посѣщеніи стараго отца его Богдана, сказала далѣй: о любезный другъ! горко-радостны слезы ліяла мамушка моя познавшая, что ты Богдановъ сынъ еси; о любезный Богданъ, онъ отца твоего пріятнѣйшій другъ, онъ благочестивый чело-вѣкъ, чаю что и сынъ его наслѣдникомъ будетъ нравовъ его; — о дѣвушко, его мати моя любезна товаришка и ровесница была, но жаль! уже давно гніеть въ чорной землѣ, але память ей благая отъ рода въ родъ! дѣвушко! ты щастлива, и я щаст-

лива въ благоправномъ зятѣ: — приведи
его спѣшно ко мнѣ, да возрадуется душа
моя, и да благословлю васъ благослове-
ніемъ горящимъ. О Любича! я благополуч-
ный въ числѣ смертныхъ, я недостойный
только блаженства, и радостно стиснулъ
въ притулъ любезную дѣвушку. Но Ми-
лень! возвала просителнымъ голоскомъ
Любича, пожалуй, приди сей часъ къ моей
любезной мамушкѣ, приди, да увидить ты,
и ты услышишь благословящую насъ за-
инну Мамочку. — Иду, иду миленька, и сер-
дечною скрухою поцѣлую лучшей мамушкѣ
руку; и съ тѣмъ подвигшеся ишли весело
къ обыстю благоправныя Власты, где
ю въ сѣняхъ голубочки кормившую най-
шли. Мамушко дорогая, вопѣла Любича, ма-
мушко, аде мой любезный Милень, до-
стогадный сынъ Богдана, любезнаго друга
и побратима отца моего! — Власта чест-
нымъ движеніемъ, и любезнымъ гласомъ
вигала прекраснаго юношу, и запросила
до малой, но такъ порядной хижницы, что
въ ней сама Крайничка жить могла бы,
показующе ему мягкій столецъ, просила

его сѣти; молодець же поцѣловавъ руку мамушкнну, и поздоровлялъ ю о имени отца своего Богдана; на тое отвѣла добродравная Власта: здравствуй лучшаго друга сыне, здравствуй въ низкой хижницѣ моей; о якъ я радуюся, что ты найшолъ единую мою дѣвушку, васъ Господь въ другъ опредѣлилъ, н онъ васъ благословитъ благодарнымъ согласіемъ; они тогда разговорялися, Любица же выбѣгла, и скоро скоренно принесла овощи доврѣлы, сыръ, масло и медъ положивше на перетканымъ красками обрусомъ закрытый столъ; она трепетала отъ радости, и играючи кормила миленкаго, якъ кормитъ невинная горличка молодаго птенца своего; — смѣючися радостно смотрѣла сваволу дочери своей Власта, и обѣщала имъ, что на третій день свѣнчаетъ ихъ въ монастырѣ, где ихъ Господь сочеталъ занмно; — тогда еще больша радость была, скочили обое, обняли старую мамушку, цѣловали руки ей, и просили благодарще ей благословеніе. Власта поднявша на небо очи рекла: Дѣточки мои, вы радость и подпора старости моей,

о якъ весело будетъ мнѣ, чрезъ нѣсколько дней или и годовъ, которыи Господь опредѣлилъ животу моему, видѣти ваше щастіе; бо прекрасно то видѣти, коль добродѣтельны споятся; они день днемъ достойнѣйшии суть себѣ, и любовь ихъ согласная никогда не погаснетъ. — Я памятаю на благополучіе оно, и память его горкіи слезы вылудить изъ моихъ очей; о въ обятіяхъ любящихся и щастливыхъ супруговъ, и самая печаль, самая горестъ солодка бываетъ. Такъ есть дѣточки, васъ небо спонло, вы въ благой годинѣ познакомились; о Господи, и я щастлива была, но щастіе мое не было долговременное; а протѣ и теперь благодарю Господа, бо память любезнаго супруга всегда мнѣ чести достойна есть. — Слыши сыне мой, встѣли ты твой отецъ не скавалъ, слыши случай отца твоего и моего супруга, нераздѣльных побратимовъ честогодный случай: — Отецъ твой добронравный Богданъ, съ моимъ супругомъ Драгоміромъ искореняли ниву, пашку приготавлиюще; и случилось имъ выкопати знатное сокровище; — о радость

велика, котель грошей серебряныхъ и золотыхъ, еще отъ временъ гоненія хрістіанства; мы теперь щастливѣн, сказалъ Драгомѣръ, мы много богатства набыли, слава Господу. — Я не восхищаюся тѣмъ любезный брате, отвѣщаль Богданъ; я презираю сокровища не трудомъ набытыя; я не доткнуся имъ, и естлибъ я самъ ихъ набылъ бы, истину скажу, еще глубочайше закопалъ бы ихъ; мнѣ пріятное убогство мое, бо мене не обременить жаръ солнца, и кудрява зима не заморозитъ твердыя члены, мое сокровище суть руки мои; бо что бы я дѣлалъ при толикомъ сокровищу? лѣниво лежалъ бы, презрѣвъ работы, когда бѣдный мой сусѣда мозолилъ бы ся тяжело землю дѣлаючи, и кускомъ чорного хлѣба доволенъ; нѣтъ брате, я не желаю его, бо имѣніе помягчаетъ тѣло, и честныя нравы бѣдствіемъ обременить. Мудро говоришь побратиме, отвѣщаль мой Драгомѣръ; и я не жаденъ сокровища; но да не лежитъ все, его Господь далъ, отдадимъ божое Богу; — тогда порадились, и они основали сей Монастирь, въ которомъ васъ Господь сочеталъ.

Милень довольно возрадовался о добродѣтели отца своего, прощался съ обѣщаніемъ, что на третій день совершенно вся приготовить на братъ; отишолъ, Любимца выпровадила его къ берегамъ, и молила чтобъ опасно управлялъ весломъ, чтобъ ему не случилось несчастіе; уже на другой сторонѣ сущему рученькою кивала, и глухими стопами разлучилися, ждающіи зореньку третяго дне.

Уже Милень далеко отишолъ отъ береговъ, обозрѣвъ вспять уже не видѣлъ любезную, и близъ дому своего увидѣлъ бѣднаго чужаго человѣка, сусѣдови свою печаль жалующаго. О брате, говорилъ убогій, не былъ бы я теперь скорбящій, естлибъ несчастный случай мене не избавилъ извнѣя моего; — о мое поле и домъ мой тамъ на бережну стоялъ, стромы мои ломались подъ тяжестію овощей, но грозная туча и изъ ней набывшій поводъ утопилъ мою хижину, поле и садъ мой измывъ, и где гобзящая была доселѣ нива, тамъ теперь уже камуль, камѣньча, скалы и колоды; едентъ грозный валъ хижину увалилъ, дру-

гій стадо утопиль, я самъ на высокомъ
буку спасся съ дѣтиною, которая еще не
понимаетъ несчастное свое сиротство, и
не была бы такъ тяжкая моя скорбь, кедь
бы сіе отроча со мною участное не было
того несчастія, естлибъ оно не терпѣло
убытка сего горкаго. — Миленъ густый
вдохъ пустивъ, и оскорбился на сей слу-
чай, помнувъ что поводъ сей и его несчаст-
нымъ учинити могъ, бо прибывшая рѣка
сего повода дѣло было, где онъ сражался
съ смертоносными волнами — благословенъ
говорилъ помагая бѣдному, о Господи ест-
либъ я могъ помощи подати ему! Господь
видитъ доброе дѣло, и вознаграждаетъ, о
кедь бы я богатый былъ, якъ упрѣмно по-
жаловалъ бы его. . . .

Такъ тоскуя вошелъ въ домъ отца
своего, и радостно сказалъ о посѣщеніи
Власты, приложивше, что минувшимъ тремя
днемъ прекрасная Любница въ его обятіяхъ
будетъ якъ молодая невѣста, домикомъ упра-
вляти.

Минувшей ноши, еще предъ выходомъ
солнца Раданъ по свѣжой рощѣ перехоже-

вался, не за долго вышел и старый Богданъ съ Миленомъ, поздравляюще старика добрымъ утромъ. На жадость Радана подишли на маленькій холмикъ, откуда вся долина прекраснымъ видомъ показовалася; — тогда старый Раданъ обнявъ друга своего Богдана и сына его Милена, сказалъ: Побратимы, сіе поле, сей садъ, и сіи будинки вашіи суть, я вчера купилъ сія отъ хозяина и властителя; — сія для васъ будутъ, а я съ вами пожити хочу малый и краткій мой вѣкъ, а егда умру, ты Миленъ погребни тѣло мое подъ сею липою, и положи мнѣ надъ головою простостройный крестъ; пріймите брата сіе отъ своего друга. — Богданъ удивился: о брате сказалъ что ты дѣлаешь? я троненъ пріятельствомъ твоимъ, я владѣю моимъ полемъ, оно довлѣетъ сыну моему, естли онъ благочестивый будетъ; а естли онъ развращатель будетъ, тогда и все царское имѣніе ея малое будетъ; брате, я не потребую сіе. Но Раданъ просити его не пересталъ, донъ онъ не склонилъ на прошеніе; тогда возопѣлъ старикъ: Сыне мой! коль и я умру,

погребѣ и мене подѣ другою липою, и назви двѣ липы: Раданомъ и Богданомъ, чтобъ память двоихъ друзей вѣчная была.

Милень съ ужасомъ слышалъ сѣ слова отца своего, и просняъ ихъ на холмичокъ, отъ туду показовалъ имъ рощицу Любицину, и домъ Власты тещи своея; — упорно высматривалъ Любицу, но все: посему походили все новое поле, и о прекрасный видъ! всегда такъ обремененны стромы плодомъ, что конары подпирати потребно было; прекрасный садъ поточокъ дѣлилъ, а подъ едной скалы чурчала зимна вода якъ ледъ, чиста якъ кристалъ; — поле широкопространное обгороженное плотомъ новымъ. О воскликнулъ отъ радости троненый Милень, о якъ возрадуется моя Любичка, коль увидить свое прекрасное имѣніе! Между тѣмъ повернулись къ Богдановому обыстю, которое въ долину было, и при вратахъ увидѣли человѣка съ отрочаткомъ милостиню просящаго, котораго Милень вчера стрѣтилъ. — Богданъ уелышавъ его несчастный случай: брате сазалъ ему ты несчастень, ты не самохотно, не про

лѣнность, не про небреженіе, не про неправный животъ убогимъ стался; Господь посѣтилъ тебе, ачеи прото бы я добродѣтель показалъ, Господь заповѣдаетъ чтобъ милостиню творити, се поле сіе, и хижина со всѣмъ твоимъ будеть, я тебе нею подарю, жій, услыи ся съ нову, и дѣлай съ Богомъ новое твоё поле, избери и плоды строковы, да ти милостивый Богъ благословить; я маю новое обьстя, тамъ перенесуся. — Иностранецъ остолбѣлъ на сіе, онъ не вѣровалъ, слышалъ ли сія слова, или спилось ему; на конецъ же впалъ на колѣна, и такъ благодарилъ неисповѣдимую благодать Бога данову, Раданъ же и Миленъ возрадовалися о добродѣтели Богдана, и подтвердили своимъ соизволеніемъ.

Возвратившимся нѣтъ, Миленъ перебѣгъ къ своей Любицѣ, но ю въ роуцѣ не снайшовъ; ждаючи ю, въ тѣни уже выше помянутого бука свернулся, и твердо заснулъ; но напрасно жмения цвѣтовъ падшая на лице ебудила го, онъ увидѣвъ Любицу, сей часъ спочити хотѣлъ, но не могъ; а што сталося, ни руку ни ногу подвигнути

годень; Любица же на сіе солодко засмѣялася, бо она его спящаго ширинками и пантliками повязала такъ искусно, что двигнутися не могъ былъ; — но ждай Любице, наверну я ти жартъ, и такъ сцѣлюю тя, ажъ буде личко твое ружицѣ подобное; нѣтъ не развяжу тя, пока не обѣщаешь, что за единъ цѣлый часъ не поцѣлуешь мя; но не поцѣлюю, отвѣщаль плѣнникъ любезный, и разрѣшенъ былъ. — Миленъ обѣщаніе свое законно подержалъ, и хотѣй якъ зарывала его свавольная дѣвушка, онъ ю не цѣловалъ, на конецъ же прорекла она: Миленъ, уже еденъ часъ минулъ. — О де бы? еще ни четверть часа, отвѣщаль постояннымъ голосомъ онъ; разговорялъ ей о случившемся щастіи, что Раданъ ему пространое и богатое поле съ селомъ купилъ, что отецъ его бѣдному поводомъ несчастному все свое село даровалъ; о Любичко моя, якъ ты будешь ся радовати здатной и порядно устроенной хижинцѣ, якъ ты будешь порядати въ оной; смотри тамъ, а тамъ на холмику стоитъ твой домъ, между лицами, садъ изобилный

зеленѣется, а чрезъ него шумящій бѣжитъ поточокъ; — любезна се твое все! Любица возрадовалася не такъ новому прибытію, но великой будущаго тестя своего добродѣтели и Радана пріязности; бо теперь вижу, говорила, что я щастлива, что Богъ буде мя благословити, бо благочестивыхъ Господь благословитъ.

Долго еще забавлялись любовники, бывшу же вечеру, рекъ Миленъ: любезна завтра уже не посѣщу тя, бо приготовлятися буду къ угощенію моихъ товарищей; о любезна, якъ я радуюся, всѣ моей стороны молодцы и дѣвушки обѣщались на свадьбу мою; такъ же и мон, отвѣщала Любица; обое тѣшился, что всѣ радуются щастію ихъ. —

Пришедшу непокойно жданому утру, зоренька трепетала свѣтлыми лучами, вся атмосфера обяснилася такъ, якъ никогда передъ тѣмъ, цвѣты благовонѣйшіе едали цвѣтъ, якъ даколи, трава зелена росю напоенна весело двигалася къ лучамъ, якъ бы все вѣстество радовалось щастію Миленова торжеству; еще предъ деннич-

нымъ выходомъ собралися сей стороны молодцы съ прекрасно убратыми, партами и косицами украшенными дѣвушками, между веселымъ фуляръ и писчалокъ звукомъ, съ веселымъ пѣніемъ ожидали торжествующаго юношу. — Миленъ поблагодаривъ ихъ склонность, и рядомъ спѣшно бѣжали къ берегамъ, где ихъ косицами убранныхъ лодочокъ и плетей множество ожидало; — наремно переплывше рѣку, не задолго уже подъ стѣною Любицевыя хнжицы стояли, где тамтой стороны молодцы съ дѣвушками любезно привитали ихъ; прекрасно и громко разліялся по долину голосъ несчисленныхъ фуляръ, пѣніе небо пробивало, любезное дружество занимало всѣхъ; дѣвушки обонхъ сторонъ начали съ полныхъ цвѣтовъ и зеленого бервинку вѣночки плести, и обычайную пѣснь тоненькими заспѣвали голосочками; видѣлося, что множество соловьевъ щебечеть по зеленой дубравѣ. — Пѣснь вѣночкова была слѣдующая:

Горѣ соненю горѣ,
Війся вѣночку вскорѣ;

Вѣнчочку бервинковый
 Буди скоро готовый,
 На Любичу голову,
 Другій на Миленову. —
 Будь Миленьку веселый,
 Якъ бервинокъ зеленый,
 А Любичка буде ти
 Якъ ружичка цвѣнути.

Уготовленными же вѣнчочкамъ, возложили дружочки еденъ, съ жолто-синими пантliками переплетеный на головку Любицы, а другій на Миленову; потомуже всѣ дѣвушки косичками, и вѣнками чрезъ рамена крестообразными прицифровались, и такъ зачали хлопцы съ дѣвчатками разомъ спѣвати :

Ужъ соненько выходить,
 Уже Миленъ приходитъ
 По свою молодицу,
 Чернобрыву Любицу:
 Будь мамочко здорова,
 Ужъ Любичка не твоя,
 Ховалась ю, но кому?
 Милену молодому.

И тогда взявше хлопцы Милена, дѣвушки же Любицу межъ себе, попроведили ихъ въ святой Монастирь, где честный сивобородатый законникъ ихъ законно сочеталъ и благословилъ, присутствующимъ горливо молящимся, и просившимъ благодать отъ Господа на любезныхъ молодыхъ. —

Великое то было торжество, бо благочестивый Раданъ на праздникъ той купилъ 10 овечокъ, и двѣ бочки солодки медовки, и такъ свадьба за три дни держала, где сродники и братія увеселялися, хлопцы же всѣ съ Миленомъ, а дѣвушки съ Любицею побратимство сильно подтвердили.

МИЛОГО ЖДАЮЩАЯ ДѢВУШКА.

Въ загородцѣ при поточцѣ
 Русочка сидѣла,
 Смутна сердцемъ, бо милого
 Сей день не видѣла:
 Ахъ я несчастна дѣвчина!
 Ачей заняла го ина? —

Але нѣтъ, нѣтъ; болше маеть
 Гордый Русинъ чести,
 Якъ бы его годенъ нѣкто
 На баламутъ свести;
 Онъ мене все щиро любилъ;
 А чему бы теперь блудилъ?

Я его тутъ буду ждати
 Хотяй до полночи,
 Приде онъ поутирати
 Мои слезны очи;
 Подасть ми бѣлу рученьку,
 И поцѣлуе мнеленьку.

Ужъ мѣсяцъ высоко вышолъ,
 Милый не приходитъ,
 Въ сердцѣ милой что равъ болшій
 Непокой ся родить.
 Ахъ скричала! подь скоренько,
 Потѣши мое серденько.

Уже мѣсяцъ за горами
 Зашолъ, милого нѣтъ;
 Уже полночи минуло,
 Погасалъ ясный свѣтъ.
 Отчаянна скричала: охъ!
 Пустя зъ грудей печальный вздохъ.

Здравствуй мѣсячку темненькій,
 Я не могу ждати,
 Бо мнѣ въ часъ рано потребно
 До работы стати;
 Скажи тому невѣрному,
 Чтомъ пошла смутна до дому!

Алекс. Павловичь.

ТОСКА ЗАРУЧЕННОЙ.

Прошу́ красно преславную столицу,
Най выслухать одну бѣдну горлицу:
Бѣднамъ стала, скажу правду плачучи,
Не е нянька, не е мамки помочи.

Еденъ хлопецъ былъ ми милый, всячина,
Вѣрный ко мнѣ якъ братъ сестра, родина;
Но сесь хлопецъ утягъ коцку чорную,
Воякъ zostалъ, лишилъ мене бѣдную.

Славны паны, пустьъ ми го прошу васъ!
Послушайте разъ дѣвчины смутный гласъ;
Такъ благого якъ мой милый не найти,
Битку?! войну?! не дай боже ѣ видѣти.

Мой миленькій есть слабый за вояка,
Онъ молодой не подержитъ коника;
А туй дома мировиме солодко,
Онъ мя возме, прожіеме двончко. —

Охъ! взяли го, прибрали за гусаря,
Такъ былъ красный, ялый бы за капляря;
Что за хосень изъ красного платъчка,
Кедь зостаеть сама его миленька.

Не плачь мила, свѣтъ не гине, прійде часъ,
Гдесъ загрѣе разъ солнѣчко и на насъ:
За Вѣру, Царя я Русинъ кровь душу
Радъ даю, но й тебе имѣти мушу. *)

Николай Нодь.

*) Сія пѣсня прекраснымъ г. сочинителемъ голосомъ
воспѣта при случаю радостнаго торжества дня
8/20 октовріа 1850 въ память наданнаго краеваго
устава Галиціи, удостоилася полного довольствія
и громкаго рукоплесканія Вѣденскихъ Русиновъ.
Она поется по голосу народной жалостной думки.

С о д е р ж а н і е.

	Стор.
Поздравленіе	3
Орелъ	9
Мысль о Бозѣ	15
Сирота въ Заточеніи	19
Воспоминованіе	24
Пѣснь Русско-Народна	26
Свобода	28
Радость о Свободѣ	30
Убѣгша свобода	33
Свобода	35
Незабудка	37
Сѣтованіе Павла Аньоша	40
О придворной жизни	43
Спишакъ и Ехо	48
Жаба	50
Привѣтствователныи стихи Его Величеству Всемило- стивѣйшему Царю Францъ Іосифу Первому на день Славнаго Рождества отъ Русиновъ Выш- няго Спижа на крылахъ Орла Татранскаго при- несенный дня 6/18 серпня 1850 года	59

	Стор.
Отвѣтъ Орлу Татранскому	57
Третій Мая 1850	60
Русскій Добровольникъ	62
Вручаніе	69
Память Щавника	71
Миленъ и Любица идильская повѣсть отъ древ- нихъ Русиновъ время	79
Милого ждающая дѣвушка	150
Тоска зарученной	153

